

Олег Митрофанов

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Документальная повесть в письмах

«Может, даже эта любовь должна была пройти, иначе она лишилась бы своего лучшего, самого благоуханного достоинства, своего девятнадцатилетнего возраста, своей непорочной свежести».

А. И. Герцен

ПРЕЛЮДИЯ

Игорь Белов – Александру Михайлову

5 апреля 1986

Москва

«О, куда же ты ушло – счастливое и беззаботное, весенне-прозрачное и чистое время грез, время лишь сиюминутных проблем, время согласно и близко бьющихся сердец, время сказок старого Арбата и выдавшего виды фортепиано в студенческом общежитии, время мечтаний, порой даже неосознанных и оттого еще более тревожащих, время безрассудств и чувственных безумств – куда ты ушло?»

Я вспоминаю тебя по-разному всегда, но никогда – равнодушно.

Говорить о тебе с легкой улыбкой печальной иронии, ощущая, как трепещет в груди оставшийся от тебя след – кажется, я мог бы вечно говорить о тебе с легкой улыбкой иронической печали.

Но все же!

Останься тем, что ты есть – во мне и памяти – моей и других, останься мной и памятью – но не более. И никогда, слышишь, никогда не возвращайся! Никогда более!

Останься там, где ты есть, с тем, с кем ты есть, тем, что ты есть – навсегда.

Ибо из кирпичей от воздушного замка не выстроить дом новой реальной жизни.

Ибо прозрачной водой воображения не утолить жажды – хотя бы и прозаической.

Ибо путь мой так далек, и так коротка жизнь!..

Оставайся навсегда. Там, где ты есть; тем, что ты есть.

Тем, чем ты было – и чем никогда не было в действительности, до чего ты не дожило, о чем мы лишь мечтали.

Оставайся навсегда. Навсегда. Останься. Грезой.

Чтобы когда мы – вечные путники – однажды собрались вместе в новом нашем доме Будущего, создаваемом нами сегодня, ты вновь пришло к нам под звуки неизменной Лунной сонаты терпким и щемящим чувством молодости, и сердец, бьющихся согласно и рядом, и благодарности – за то, что ты было; за то, что ты ушло; за то, что ты не вернулось.

И не вернешься.

Никогда.

.....»

ПРОЛОГ

Игорь Белов – Элле Меркуловой

Алма-Ата – Ленинград

14 мая 1986

«Здравствуй, Элла.

По правде сказать, получив твое письмо, был я весьма удивлен.

Однако удивлен лишь вначале. И напротив, дочитав его до конца, не мог при навеянном тобой воспоминании о не столь отдаленном прошлом остаться равнодушным.

В тоне письма сквозит недоумение. Ты пишешь, что Саша недавно прислал тебе странный текст, адресованный не напрямую тебе, а куда-то в пространство.

Давай попробуем разобраться. Во-первых, это была попытка какого-то отвлеченного размышления о весне, не так ли? И не так ли, во-вторых, начинается это размышление: «Февраль. Уходит зима» - угадал? Думаю, что да.

Дело в том, что почти месяц назад я получил такое же письмо.

Ты подумай: то, что ему и всем нам пришлось пережить, - одно из сильнейших испытаний в жизни, какое только можно представить. Тем более, в нашей обычной, мирной жизни.

И в первые весенние часы, когда был написан тот текст, можно лишь догадаться, что переживал он. Ему было необходимо, чтобы кто-нибудь понял и принял его без лишних слов. Мы с тобой и выбраны этими «кто-нибудь». Что совершенно логично. Если не мы, то кто же...

Я достаточно ясно выражаюсь, не правда ли?

Теперь перехожу к твоей просьбе.

Да, я знаю некоторые подробности этой истории, тронувшей нас за живое. Поскольку природа одарила меня весьма скромными литературными способностями, я не стал ничего описывать и воссоздавать сам. С помощью разных людей, тихо и уважительно, я собрал черновики и копии писем той поры – Сашиных, моих, некоторых других наших друзей. Затем я это разобрал и выстроил – что-то по времени, что-то по логике. Конечно, там много сумбурного. То несколько документов в день, то громадные временные провалы; то маленькие записки, то развернутые сюжеты... Что поделывать? Как вышло, так и есть.

Высылаю тебе экземпляр этой перепечатанной и бережно хранимой мною переписки, надеясь, что ты, в свою очередь, пришлешь мне письма, которых у меня нет, и какие сочтешь возможным.

О деликатности, я думаю, с таким человеком, как ты, говорить излишне.

Еще одно: сначала я предполагал, что это нужно лишь мне, но теперь вижу, что это не совсем так. Проявила интерес к письмам ты; возможно, будут и другие желающие их прочесть. Не думаю, что их стоит делать совсем уж открытым материалом, но и запирать в ящике тоже, наверное, не надо. Немало наших хороших друзей и замечательных коллег упомянуто в получившейся эпистолярной хронике, и будет справедливо, если в какой-то момент они смогут найти себя в упоминаниях.

Поэтому, скорее всего, я в самом конце еще раз возьму слово и кое-что прокомментирую.

Так что пока не прощаюсь.

Я видел твою фотографию: ты очень симпатичная.

Давай дружить?

На таком расстоянии это безопасно.

Мой привет тебе и твоему прекрасному городу.

С уважением, Игорь Белов».

ПЕРВОЕ ПИСЬМО

Александр Михайлов – Игорю Белову

Москва – Краснодар

14 марта 1982

«Привет, дружище! Ты, наверное, уже и не ждешь от меня вестей.

Спohватившись, я обнаружил, что прошло более полутора месяцев с конца января, когда я, поздними зимними вечерами, трудился над расшифровкой твоего супер-послания в семь страниц. Уж как я старался! Под лупой и методом сличения. Сопоставляя овалы и крючки. Имитируя наклон руки, тцась понять смысл кривых, загогулин, овалов и прочих иероглифов. Преобразовывая зашифрованную информацию в знакомые буквы русского алфавита...

Нет. Твоему почерку я заявляю решительный протест. Ну, не может творческая, талантливая личность, по имени И.Б., позволить себе управлять тончайшим инструментом, шариковой ручкой, как дворник – флейтой.

Вот дешифровщиков я пригласить не догадался. Зато догадался до всего сам. Теперь я восхищен! Как же интересна и многообразна жизнь вообще и твоя в особенности; как фундаментальна твоя краснодарская практика, как прекрасны твои вхождения в высокую науку, как высоки твои отношения с прекрасными девушками... Я не иронизирую. Мне правда завидно, что ты где-то там, на юге, столь полезно для себя и для окружающих проводишь время.

Чем же мог ответить я тебе в тот момент? Эпичное четырехлистное послание вызвало бы в ответ молчание (что и произошло), либо фальшивую отписку, и ты бы пожалел о затраченных на меня усилиях.

Сейчас пишу.

Сначала о прозе. На факультете тяжелая работа, через грипп и напряженные отношения с педагогами, через домашние проблемы с текущим чайником, засорами в ванной и постоянными нотациями; через снежную с солью кашу на улице, через скуку, текучку, тесноту...

Надеюсь, понятно, почему я молчал.

Далее – о поэзии: к нам в Москву, наконец, пришла весна.

Весна? - спросишь ты. – И что? Подумаешь, какая поэзия!

Да, весна. Ты же помнишь, что такое московская весна! Капель на улице Горького, умытое, сверкающее небо над Университетом, недоуменно-рассеянные улыбки обычно столь серьезных, мотивированных москвичей... Солнце, наконец, черт побери!.. Странно, все как всегда, и, как всегда, мне хочется об этом кричать: к нам и ко мне пришла весна. Только не смейся!

Я начну издали, чем и отплачу (с лихвою) за твои героические шифровальные труды.

В последних числах февраля я бродил по нашему родному факультету, прогуливая семинар и важную контрольную, к которой был категорически не готов. До вечерней репетиции в ДК делать было нечего, сессию, не написав эту контрольную, я уже сейчас, можно сказать, заваливал, а сигареты кончились.

Я шел по коридору, напевал какую-то до-мажорную песенку и прощался с жизнью, как вдруг услышал усиленную микрофоном тонкую, остроумную шутку и взрыв смеха. Я остановился. Оказалось, что звуки доносятся из Центральной физической аудитории, и там, за приоткрытой дверью, происходит нечто заслуживающее внимания.

Я прислушался. Подумал. Посмотрел на часы. Посмотрел в пустые коридоры. Позавидовал аплодисментам. Набрался смелости и вошел. Яркий свет софитов, осветивших вырезанный из темного дерева амфитеатр, напомнил первые впечатления от факультета. Я стоял на верхней площадке и смотрел вниз, на кафедру. Лекцию у первокурсников вел блистательный Владимир Иванович Николаев, теперь уже профессор, а в нашу молодость – доцент. Физику он знает блестяще, язык подвешен, как у народного артиста, чувство юмора абсолютное, а опыты показывает так, что зависть берет: неизбитые, эффектные, с риском провала и всегда удачно – после таких экспериментов хочется и физику учить! Если помнишь, на Николаева мы ходили как в

театр, да и сейчас в аудитории был аншлаг. Лишь в последних рядах наблюдались свободные места, и, когда я уселся на одно из них, момент оказался очень напряженным. Далеко внизу мерцал синий огонек. Я присмотрелся и увидел, что на кафедре стоит маленькая пушка на колесиках. Ее затыльник подогревала газовая горелка, перед пушкой расположился фанерный ящик с песком, а по залу снизу до галерки поднимался мерзкий запах эфира, исполняющего в этом эксперименте роль взрывчатого вещества. Колесики у пушки были разного диаметра.

У кафедры, в опасной близости от пушки, стоял профессор Владимир Иванович Николаев и очень серьезно рассуждал на тему «рванет или не рванет». Он рассуждал так остроумно, что студенческое сообщество, заинтересованное ожидаемым взрывом, дружным смехом разряжало обстановку. Далее профессор неожиданно заявил, что, если вдруг не рванет, он на экзамене дополнительным вопросом полюбопытствует у студентов, а почему не рвануло. Смех смолк и сменился напряженной тишиной. Все стали надеяться, что эксперимент удастся, взрыв произойдет и дополнительного вопроса не будет... Я же, свободный от экзаменационных первокурсных предрассудков, осмотрелся вокруг.

И тут, справа от себя, увидел соседку.

Она не имела причин и намерений освободиться от экзаменационных предрассудков, она искренне надеялась, что взрыв случится, она желала этого всеми силами своей чистой первокурсной души и не обратила на мой приход ни малейшего внимания.

Что позволило мне ее разглядеть.

Она была красавица.

Это я сначала почувствовал, а потом уже осознал. Столь правильные, четкие и, одновременно, нежные лица нечасто увидишь даже в галереях. Наверное, это дар свыше, за который надо платить всем... В том числе, и в первую очередь, тем, кому он дан... Это я сейчас так рассуждаю, а тогда ... Ничего искусственно яркого не было в ее лице, которое я видел в профиль. Описать его я не берусь. Я видел красоту, как она есть. Незыблемую и естественную, как классическая музыка... Девушке было лет восемнадцать. Тонкую, изящную фигуру завершала черная туфелька, тоже ожидающая результатов опыта и напряженно покачивающаяся в такт дыханию; узенькая коленка, напоминающая перевернутую игрушечную лодочку, была едва прикрыта клетчатой шотландской юбкой.

Правой рукой девушка поддерживала подбородок, а заодно, как мне показалось, оттягивала безымянным пальцем бровь, пытаюсь, вероятно, настроить близорукий глаз. Вскоре она почувствовала мой взгляд и посмотрела на меня. Я отвернулся и стал глядеть на кафедру, плененный глубиной ее серых глаз, спокойным, серьезным и очень естественным их выражением.

Посмотрев на девушку еще раз, уже украдкой, через сидящего на одной линии с нами знакомого первокурсника, я понял, что влюбился в нее.

Едва я установил это, раздался оглушительный взрыв. Пушка, криво развернувшись, свалилась с кафедры, из простреленной в ящике дырки посыпалась в решетчатую застекленную рамку тонкая струйка песка, демонстрирующая закон случайного распределения, а полутысячный зал разразился аплодисментами и комментариями в голос. Поднялся гул, опыт удался, и Николаев объявил перерыв. Решив не тратить времени даром, я покинул аудиторию.

В голове моей возник план, который я немедленно принялся воплощать.

Я отменил репетицию в ДК, прогулялся по набережной, услышал тревожащий, почти весенний смешанный запах снега и воды, потом поехал домой и сел за стол. Сочинялось мне легко и радостно. Я вспомнил, что завтра последний день зимы, что вот весна настает, а с ней грядет, быть может, новая какая-то эра, я вспомнил мою хорошенькую соседку и ее удивительные глаза... Я подумал о многом. И не заметил, как одиннадцатую четверостишиями, без мучений и лишних поисков, сама собой родилась на свет весенняя ода. Уже десятая в ряду несовершенных ее подруг и первая, полюбившаяся мне. Я тебе ее пришлю. Может, я и ошибаюсь, но проявилось в ней что-то искреннее, радостное, светлое и нежное.

На следующий день я переписал ее как можно красивее своим корявым почерком, придумал посвящение и, таким образом, приготовился к дальнейшим действиям.

Последний день учебы перед восьмым марта был в пятницу, пятого. Я вновь, на сей раз специально, пошел на лекцию к первому курсу. Подходя к аудитории, уже из коридора я услышал шум, доносившийся из открытых дверей, вбежал внутрь и увидел, что лекции нет. Кипя, радуясь и шумно обсуждая предстоящие выходные, в океанском просторе центральной аудитории бурлил энергичный поток возбужденных первокурсников. Очевидно, Николаев уложил лекцию в один час и в честь праздника подарил студентам второй.

Моей девушки в зале не было.

Вот тебе и подгадал к празднику...

Я рванул по факультету – вдруг не ушла! - от цоколя до библиотеки, все семь этажей насквозь, почти пять километров, ты же помнишь... Не было забот... В последний раз я так же бегал за профессором Белянкиным, чтобы практикум сдать, но ведь это же Белянкин! Он – изверг и бог, без него не получить зачета по физике, а тут... Если бы я сочинял рассказ, просились бы строки: «Но фея исчезла... Лишь хрустальный график случайного распределения высоко в небесах мерцал, как созвездие Ориона...» Но правда была на моей стороне. Моя прекрасная незнакомка оказалась не загадочной исчезающей в зените феей, но обыкновенной студенткой, вчерашней школьницей, у которой был семинар на следующей паре. Видно, аспирант, ведущий семинар, не был столь великодушен, как знаменитый профессор Николаев, и моей героине еще предстояли перед праздником испытания. Короче говоря, на третьем километре, на третьем же этаже (четвертом, если подразумевать цоколь с лазерным практикумом и гардеробом; пятом, если иметь в виду подвал и расположенные в нем таинственные лаборатории) – на третьем этаже, в холле, на большой деревянной скамье, за овальным столом, где все всегда всё у всех списывали, я увидел мою прекрасную принцессу с игрушечными коленками.

Она озабоченно шепталась с подружкой, водя пальцем то по учебнику, то по тетради; она была испугана и взволнована, она боялась получить двойку, она была прелестна.

И тут я сдрейфил. Честно признаюсь. Ты можешь не смеяться. Ты тоже бы сдрейфил.

Но дело уже начато, цепная реакция пошла, и продолжение должно было следовать, а то я перестал бы себя уважать. Повыглядывая из-за колонн, я несколько раз выдохнул, потоптался на лестничной клетке, мысленно перекрестился, вытащил для храбрости сигарету (хотя я так почти и не курю), зажал ее в левой руке, правой достал из дипломата конверт, зажал его в правой руке, поместил кейс под мышкой... И затем – в шапке, в черной искусственной шубе, со сведенными и окаменевшими конечностями – отчалил в экспедицию между двумя лестничными площадками, посреди которых находилась обетованная земля со скамейкой и столом. Будто подводная лодка при экстренном всплытии, чтобы не убежать, не затонуть на полпути, подгрел я к причалу, шумя колесами и дымя всеми трубами (какие на подлодке колеса и трубы? А, ладно, все равно!)...

- Это тебе... - вместо заготовленного торжественного спича только и смог выдавить я два слова, уронил ей на колени конверт и отчалил в открытое море. Подружки замолчали, и пока я, бурля всеми винтами, в совершенно дурацком ощущении медленно удалялся на другую лестничную площадку, сверлили взглядами мне затылок.

Почему я в тот момент не умер, не пойму до сих пор.

Зато уж, повернув к лифту, я чиркнул спичкой и с наслаждением прикурил предварительно вставленную в зубы сигарету. Единство духа и тела стало понемногу ощущаться, на смену страху пришло удовлетворение... Сделано, сделано, черт возьми! Подумав так, я длинно затянулся, в глазах потемнело, тошнотворный сладкий пластмассовый дым проник в легкие, я закашлялся на весь этаж, сигарета выпала у меня из рук, и я увидел, что у нее горит фильтр. С берегов обетованной земли послышался приглушенный девичий смех.

Наверное, не надо было так себя накручивать, но любовь зла. И требует жертв. Правда ведь? Такие дела.

Это ведь не все! Это лишь начало!

Прошли выходные, минул праздник.

На улице бушевала весна, с солнцем, птицами, ясным небом и морозными вечерами.

Вновь пришло время ехать учиться.

И тут я начал партизанить. По-моему, это было гнусно, по-моему, многое было напрасно и не по существу, но я, правда, не знал, как себя правильно вести. Если уж я сбежал, когда дарил стихи, а после не подошел сразу же, не сказал: «Привет, как тебя зовут? А меня Саша...» - то уж и ни к чему было знакомиться, а лучше было бы вообще исчезнуть, но куда тут исчезнешь, когда учиться надо... Короче, пришлось устраивать шоу, сродни психологическим экспериментам (от слова ПСИХ). Печорин мне всегда был неприятен, но соблазн оценить его мотивы и попробовать повторить подвиги тоже присутствовал. Потому я и вел себя так гадко. При первой мимолетной встрече, во вторник, 9 марта, я увидел два больших, настороженных и серьезных глаза, с интересом и вопросом обращенных ко мне. Стремительно, через ступеньку, пробежал я мимо этих интереса и вопроса, мимо серьезности и настороженности. Потом несколько дней, придя на факультет, запирался в лаборатории (кстати, и для дела время заодно нашел), не светился в коридорах вообще. Однажды, правда – кажется, это было в пятницу – она имела удовольствие созерцать мою спину в очереди в столовую. Тут есть нюанс. Идя на любые жертвы, два раза в неделю я не могу, однако, достичь договоренности со своим желудком. Как правило, по вторникам и пятницам он грозит прирасти к спине и, чтобы этого не случилось, я вынужден занять очередь в нашу факультетскую столовую. Так что, повторяю, в пятницу она имела счастье созерцать мою спину... Точнее, желудок, потому как он тогда в самый раз прирос к спине. Я стоял в очереди с двумя приятелями. Один из них, оказалось, был знаком с моей сероглазой девушкой. Зайдя в столовую, она увидела нас и подошла. Она взглянула на меня. Мой приятель поздоровался с ней... Но тут я пошел на категорический конфликт с новой частью моей спины и ретировался. Остался голодным. Ужасно обидно. Так хотелось есть; так хотелось с ней поговорить...

В результате – ни то, ни другое. Фью, нет меня... Пошел учиться.

(примечание Игоря Белова: Болван!)

Признавайся, назвал меня идиотом? Да уж... Печорин я еще тот...

И вот наступил самый главный день.

Уверен, пройдут годы – а я буду по минутам помнить его подробности. Для потомков, которые будут изучать наши биографии и захотят донести их до грядущего благодарного человечества, назову дату: суббота 13 марта 1982 года.

Вопреки обычаю устраивать себе в конце недели день спорта, вчера я с самого утра поехал на факультет и даже учился там – сначала на семинаре, где мне удалось договориться о передаче пропущенной контрольной, а потом, до половины первого, я готовился к этой контрольной в читалке. Ты, кажется, знаешь Витьку Флоркина, да? Ну так вот. Мы с ним после второй пары собрались идти обедать (за счет вчерашней жертвы у меня сохранились скромные средства для субботней трапезы), а потом, чтобы день спорта все-таки не пропал, играть в волейбол. Когда после звонка спустились мы из библиотеки в цокольный этаж, там уже было полно народу. У первокурсников тоже кончились занятия, и они энергично роились в гардеробе. Я взял свою шубу, отошел в сторонку и, одеваясь, посматривал по сторонам, послушивал, что говорят. Совсем близко от меня два парня обменивались мнениями по поводу обеда. Один из них оказался моим тезкой.

«Сань, ты в какую столовку? - В главное здание. – Можно, я с тобой? - Да я, вообще-то не один...- А с кем? - Со Светой Филоновой. - Ух ты, классная девчонка! Что у тебя с ней? - Да ничего, просто обедать идем... - Да ладно, не свисти! - Слушай, тебе-то какое дело? - Не, ну, правда ничего? - Да отстань ты, говорю нет, значит нет. - Тогда я с вами пойду, можно? - Пошли, мне-то что. - Сейчас, пальто возьму, подождите. - Давай быстрее, а то вон Светлана Анатольевна уже ждет».

Я проследил за их взглядами и увидел мою серьезную девушку. Так, значит, Светлана Анатольевна Филонова... Светлана, Света... Я всю жизнь имел слабость к этому милому имени...

Теперь я знаю, как ее зовут, и теперь мы квиты, потому что я подписался под одой и она знала, что я есть А. Михайлов.

Свет-ла-на... Как это трогательно и мило; как это кстати: весной называться Светланой... - Думая так, я оделся и стал ждать Витьку, который кого-то встретил и теперь разводил беседы, держа номерок в руке.

Я нахлобучил на лоб шапку, взял кейс, чтобы уже быть готовым уйти, и стал расхаживать по цокольному этажу взад и вперед между колоннами.

Народу в гардеробе поубавилось, многие уже успели катапультироваться, и пространство просматривалось отлично. Это позволило мне заметить, краем глаза, что девушка Светлана Анатольевна тоже полностью экипирована, ждет двух своих обеденных рыцарей и тоже качает маятник. В еще не застегнутом темно-синем пальто, без шапки, с ярким пушистым шарфом в руках, стройная, милая, задумчивая...

Не знаю, видела меня она или нет, скорее всего, тут был большой элемент случайности, но оба мы допрогуливались до того, что стали сходить в лобовую атаку на небольшой и абсолютно пустынной прямой. Вот тут она меня заметила. Мы шли навстречу друг другу, и самым естественным образом наши глаза встретились...

Что мне было делать? Если я и представлял себе наше знакомство, то уж, конечно, не в гардеробе. Высокая поэзия оды исключала обыденную прозу раздевалки, шума, люминесцентных мигающих ламп, мимолетного привета и дальнейшего следования по намеченным ранее орбитам.

Но в ее взоре был целый монолог. Я понимал, что если увижу ее или хоть моргну – она кивнет, улыбнется, заговорит со мной, и все мои мечты падут с небес наземь. С другой стороны, если я отведу глаза, то все станет тоже ясно, и, скорее всего, на нашем знакомстве можно будет поставить точку.

Что, повторяю, мне было делать! Я поступил интуитивно и, наверное, довольно жестко. Не отводя взгляда, я расфокусировал глаза, будто передо мной нет материального объекта, и настроил их вдаль, далеко за ее спину, на материальный объект по имени Витька Флоркин, который, завершив беседу, натягивал у дальнего выхода свою куртку... Мой взгляд прошел насквозь и соскользнул с нее. Это было невежливо и обидно, я почувствовал ее досаду. Не в силах совсем уж сдержать ее, она энергичным дуновением откинула упавшую ей на глаза темно-каштановую прядь. В тот момент ее взгляд, серьезный, вопросительный и немного растерянный, был еще прикован к моему лицу. Потом она резко, резче, чем надо, развернулась, разметав по сторонам пальто, шарф, волосы, и пошла от меня прочь.

Она бы, пожалуй, рассердилась на меня...

А я бы, пожалуй – еще миг! – и позвал бы ее. Но тут:

- Михайлов! – услышал я зов из-за колонны...

То был Флоркин. Он, наконец, оделся и делал вид, что давно меня ждет.

- Пойдем, что ли?

Она замерла и, не оборачиваясь, пару секунд стояла.

Услышанная фамилия кое-что сказала ей. Она поняла, что я – это и есть я, а не неизвестно чей анонимный почтовый голубь...

- Ну, пойдём. – И мы с Витькой ушли...

И ведь это тоже еще не все.

Уж какая по счету страница – а конца рассказу не видать.

Нет, конечно, видать. Осталась эпопея вчерашнего вечера и сегодняшней ночи.

Вволю наигравшись в волейбол, наступавшись по мячу, выплеснув накопленную в библиотеках и на семинарах энергию, приняв душ, шел я, расслабленный, в общагу, к Лысову, в нашу комнату № 329.

Когда на первом курсе, во время весенней сессии, жили мы там втроем, я настолько привык считать эту комнату не только вашей, но и моей, что ноги несли меня туда сами, будто старую лошадь в родное стойло.

Андрей был дома, как всегда ленился делать что бы то ни было, смотрел телевизор, брэнчал на гитаре и дымил в потолок.

За компанию подымил с ним и я.

С Андреем очень удобно молчать. Его неторопливая речь, четкие, исчерпывающие формулировки, негромкий голос и ненавязчивая ирония располагают к размышлениям. Думая о Светлане, я рассказал ему какую-то небылицу. Андрей с улыбкой и интересом слушал и смотрел, молчал и догадывался о моей страшной тайне. Я так и не проговорился, но ему было понятно, о чем я. Во всяком случае, мне так показалось.

Уже почти стемнело, когда в дверь постучали. Это был Валерка Дегтярев. Он сообщил, что внизу, в клубе, начинаются танцы, будет весело, ожидается наплыв девчонок, к тому же не то у химиков, не то у биологов какой-то сабантуй, и контингент, таким образом, расширяется. Андрей, будучи скептиком по части легких увлечений и флирта, воспринял информацию с пессимизмом, зевнул, пожелал нам удачи и вновь взялся за гитару.

А мы с Дегтяревым отправились на разведку.

У танцевальной комнаты в предвкушении новых контактов стояли студенты, а внутри гремела музыка, и был выключен свет. Валерка остался с ребятами, а я нырнул внутрь.

Углы комнаты подсвечивались разноцветными фонарями, по центру и в глаза бил стробоскоп. И первое, что различил мой глаз при этом зыбком освещении, была тоненькая фигура девушки в светло-серой мышинной водолазке и клетчатой шотландской юбке...

Девушка разговаривала с двумя парнями и, не танцуя, лишь слегка отработывала ритм.

В таком грохоте диалог превращался в крик, Светлана не слышала своих собеседников, смеялась, подставляла ухо, вставала на цыпочки, выгибала спину, как молодая пума, ее пышные волосы, недавно уложенные в прическу, были отпущены на волю, а глаза излучали такую светомузыку, что я понял: или сейчас, или никогда.

Помня о том, что в определенных (например, не столь давних) обстоятельствах я становлюсь робкой, трепетной ланью, я решил, пока меня еще не увидели, ретироваться и ПОДДЕРЖАТЬ себя. Так, чуть-чуть. Для храбрости. Я поднялся в 329, у Андрея нашелся портвейн, и мы с ним, за удачу некоего моего предприятия, осушили по стакану.

Я закусил яблочком и ринулся в бой.

- Знаешь... Я... Мне... Как бы... Очень хочется с тобой познакомиться... - моя рука лежала, забытая, у нее на плече, я лепетал, как троечница на экзамене, а в голову влез похабный анекдот «Они сначала познакомились, потом подружились, а теперь им дружить негде» и напроць вытеснил все остальные речевые комбинации. Она с удивлением обернулась на меня – и вдруг улыбнулась, приветливо и радостно, как потерянному, но внезапно обретенному другу, а глаза ее в полумраке танцзала казались ласковыми и доброжелательными. – Я не буду...

Тут пространство обрушилось бесшабашным каскадом аккордов и ударов новой оптимистичной песни, мы стояли недалеко от колонок, я своего голоса не слышал, к тому же всё вокруг задвигалось, затряслось, заплясало... В такт и не в такт музыке замелькали руки, ноги, головы, вновь полоснул по глазам стробоскоп, нас затолкали и кинули друг к другу. Притиснутые, как в метро, мы невольно развели по сторонам взгляды, и по моему подбородку скользнули Светланины пушистые волосы. Я вздрогнул, провел ладонью по лицу – и тут мой страх исчез. Почувствовав себя спокойным, счастливым и уверенным, я взял Светлану за руку и повел за собой, из толпы, из комнаты.

- Я не буду спрашивать, как тебя зовут, потому что уже знаю, - мы стояли у окна в фойе, отвернувшись от всех, я говорил тихо и внятно, - скажи, ты очень сердисься на мои дурацкие выходки?

- Да нет... На сердитых, говорят, воду возят... Ты, конечно, странный, но со всеми бывает... - улыбаясь, ответила она, - мне очень понравились твои стихи. Спасибо большое. - Ее голос был звучный, красивого мелодичного тембра, слегка грудной. Каким я себе его и представлял. - А я тоже знаю твое имя.

- Ты?

- А что такого? Я пошла к твоим однокурсникам и узнала. Зря?

- Нет, почему... - Мы помолчали. - Обидно было?

- Смешно было... Ну... и обидно, немножко.

- Извини, ладно?

- Да о чем речь...

- Свет, пойдем потанцуем? – подвалил к нам Дегтярев.

- Дай поговорить! Видишь, мы заняты, – ответил за нее я.

- Ой-ой-ой, заняты! Я ее кормил, я ее и танцевать буду... - Валерка заржал, как дурак, не к месту процитировав бородатую пошлую шутку. Светлана промолчала, закусил губу, то ли сдерживая улыбку, то ли досадуя. Я показал ему кулак:

- Сейчас как дам!

- Ладно, все, ну вас... Обидитесь еще...

Дегтярев ушел, но на смену то и дело являлись другие парни, Светлана пользовалась повышенным вниманием у нашего брата, это было невыносимо, и разговаривать было невозможно.

- Давай удерем? – неожиданно для самого себя предложил я.

- Да ты что? Куда?

- Да хоть на улицу. Погода хорошая, я тебя провожу...

Светлана задумалась.

- Ты знаешь... - сказала она неуверенно, - я тут на дне рождения... Неудобно... Хотя мне все уже надоело, там народу полно, все уже веселые... - Она себя уговаривала, я видел, что ей хочется сбежать со мной. - Знаешь что? Я попробую. Давай так: через пятнадцать минут на улице. Если не приду, значит, я погибла в неравной схватке с общественностью.

Она ушла прощаться с именинником, а я побежал наверх, к Лысову, оделся, и на дорожку мы с ним допили его портвейн.

На улицу она вышла не через пятнадцать, а через двадцать пять минут, когда мне уже стало казаться, что ничего не будет. Кому-то она прокричала в дверь, что нет, не надо, она сама доберется; послала воздушный поцелуй, закрыла дверь, выдохнула с облегчением и сощурилась в темноту. Я помахал ей рукой, она увидела меня, подошла, на ходу застегивая пальто, и сказала:

- Ну, вот и я... Привет.

- Идем?

- Идем!

И – прощай, дорогой Дом Студента, гуд бай, общага естественных факультетов МГУ! Мы со Светланой ушли в ночь, в март, в юную нарождающуюся весну.

Первую минуту мы молчали. Она лишь поллюбопытствовала, где я живу и ничего ли, если я вернусь домой поздно. Я на это пошутил, что, едва мне станет поздно, я тут же, посреди дороги и ночи, ее брошу и уеду. Она улыбнулась и поблагодарила за то, что предупредил.

Но тут я обернулся назад. О, восхитительная картина! Морозило, звезды высыпали на черное холодное небо, мелькавшее между темно-серых ватных туч. Подмерзала лужа на тропинке, и в стекляшках льда отражались этажи покинутого нами дома. Дом весь еще светился электричеством, выдавая в своем нутре беспокойное студенческое племя, и эти горящие окна здания, казалось, с завистью смотрели нам вслед. А мы были и впрямь достойны этой зависти.

- Ты что остановился? – спросила меня Светлана.

- Прощаюсь и пытаюсь осознать... - туманно ответил я.

- Что?

- Все... – я махнул рукой и повернулся к ней.

- Понятно... - кивнула она. И поежилась.

Потом мы целый час гуляли по Воробьевым горам. Уже сегодняшний день настал, а мы все бродили. Наконец, она сказала, что начинает подмерзать, и мы пошли на ее автобусную остановку. Из остановки на нас смотрела одинокая укоризненная фигура.

- А, это ты... - Светлана, по-моему, немного напряглась. – Знакомьтесь. Это Саша... И это Саша... Смешно... Стою между двумя Сашами, можно загадывать желание... - Она пыталась шутить, и у нее получалось неплохо. По крайней мере, подвиг ревнивого друга, ждавшего за полночь, уж не казался безнадежным провалом всего вечера. – В данный момент я желаю, чтобы быстрее приехал мой автобус, а то прохладно!

Но автобус не слышал ее желания. Зато вдали, на противоположной стороне улицы, из-под моста выполз мой троллейбус. Он поблескивал рогами, флегматично переваливался с боку на бок и неторопливо продвигался в нашу сторону.

- Так, мы идем тебя провожать.

Светлана пошла рядом со мной по тропинке, а мой тезка следовал сзади. Я придерживал ее под локоть, но, в результате, поскользнулся и чуть не грохнулся сам, она меня удержала.

- Смотри, я спасла тебе жизнь... - серьезно пошутила она. – Вот и твой троллейбус. Но ты поедешь на следующем.

Мы пропустили этот, а потом и еще один троллейбус, она совсем замерзла, и на третьем я решил ехать непременно.

А когда троллейбус подошел, Светлана вынула из перчатки руку и протянула мне. Я пожал ее и немного придержал. Она подняла на меня глаза:

- До свидания... - сказала она тихо, медленно и будто с подтекстом.

- До свидания, - эхом ответил я, с трудом сдержав неуместный вопрос «а когда?»

Двери закрылись. Троллейбус тронулся, сквозь запотевшее заднее стекло я разглядел Светланин силуэт и помахал ему рукой. Силуэт помахал в ответ, две фигуры побрели в противоположную сторону.

Троллейбус набрал ходу, перевалил через горку, фигуры скрылись, и я остался один на один со своим счастьем...

Я увижусь с ней. Скоро. Совсем скоро. Я в этом абсолютно уверен.

Жизнь не стоит, жизнь продолжается, весна идет, весне, как говорится, дорогу...

Вот так... Влюбился. Оды сочиняю...

Пишу тебе полночи и все утро. Что скажешь, как оценишь и прокомментируешь?

Пиши, буду ждать.

Ну и все.

Привет тебе от Андрея и от Машки. Пока.

Александр».

ВТОРОЕ ПИСЬМО

Александр Михайлов – Светлане Филоновой

Москва

ОДА № 10 «ВЕСЕННЯЯ» (Из. Соч. 7 «Оды»)

Зима. Колючий ветер, лед.
На улицах – со снегом грязь.
Но нынче каждый все поймет,
Замрет, на миг остановясь.

У всех на лицах оживленье.
Душа в волнении сердечном.
Прочь, страх, сомненье, сожаленье –
Весна... Пришла весна, конечно.

Вглядитесь: небо голубее,
И птицы радостней щебечут,
И солнце – ярче и теплее,
Капель под окнами лепечет...

Весна, когда приходишь ты?
В какие день, минуту, миг?
Когда рождаются мечты
И песни?.. Стойте. Я постиг

Закон несложный. Ты, весна,
Приходишь к нам, когда проснется
Душа от длительного сна,
И в сердце радость отзовется.

Приходишь ты, когда мужчина
Цветы, хоть скромные, конечно,
Впервые женщине – любимой,
Знакомой или просто встречной –

Подарит вдруг... Или не вдруг?
Весны сегодня праздник светлый,
И наших дорогих подруг
Мы поздравляем в день заветный.

Сегодня да... А завтра что же?
Так пусть и завтра будет праздник.
А через день, конечно, – тоже...
Пусть не завянут розы в вазе...

Давайте каждый день подруге
Дарить букет весны начала...
Пусть станут мягче ее руки.
Пусть расцветет зарею алой,

Пусть улыбается, смеется
И удивляется она.
Пусть звонкой песней отзовется
В ней наступившая весна.

Зима... Колючий ветер, лед...
Но все ж могучею волной
Весна нас в гости всех зовет
Святою женскою душой.

Посвящение: (Черновик найден в старой лекционной тетради за 1982 г. И.Б.) К сожалению, я даже не знаю твоего имени. Но это дела не меняет. Прими от меня маленький подарок по случаю праздника. А вместе с тобой лично я поздравляю всех женщин на свете. Пятое марта 1982 г. А. Михайлов

ТРЕТЬЕ ПИСЬМО

Игорь Белов – Александру Михайлову

Краснодар – Москва

17 Марта 1982

«Здравствуй, Моп Ами Александр!

Я, признаться, уж и не надеялся дождаться от тебя письма и даже забыл твой почерк, как вдруг обнаружил в ящичке объемистый конверт.

Поначалу я испугался: кто это вздумал проверить мое терпение?.. Но потом справедливость была восстановлена, твой почерк узнан, и продолжительность послания узаконена без риска моего проклятия.

Я по достоинству оценил сей трактат юного ловеласа и с глубоким удовлетворением отметил, что ловелас смотрит на ситуацию сквозь очаровательную призму самоиронии. Я получил истинное удовольствие от подробностей твоих «психологических» экспериментов, посмеялся над закуренной фильтром сигаретой и над поклонником твоей принцессы, ждавшим за полночь и оставшимся сзади в награду за верность. Однако смею тебе возразить: быть может, он не так уж и неудачлив? Ведь когда ты уехал, он остался победителем во взятой вами обоими крепости по имени Светлана! Или ты, как Кутузов, оставил Бонапарту Москву, чтобы потом – зимой – навеки прогнать с родной земли недругов? Расчет тонкий и далекий. Вот только одно «но»: зима-то уже прошла, на дворе синицы поют по-апрельски... Не боишься ли ты, что Наполеон – парень нынче не промах, что он до следующей зимы успеет *обжиться* в Москве и, гм... (пардон) *породниться* с нею? И на сей раз Москвы Кутузову не видать?.. Ну-ну, полно, шучу.

Знаешь, Сань, я так соскучился по столице, по дому студента, по нашему факультетскому «сачку», по Лысову... Передавай всем тысячу приветов, да скажи заодно, буде кто спросит, что практика моя, увы, затягивается. Увы – это для моих скучающих по вам чувств, а для моей карьеры, наоборот, ура! Эксперимент, поставленный нашим здешним отделением совместно с Краснодарским НИИ, доказал свою актуальность. И впереди у меня есть блестящая перспектива стать помощником руководителя ведущей группы по данным исследованиям на базе Казахстанской АН в Алма-Ате.

Но все же в ближайшее время я, таки, не удержусь и обязательно не денек-другой-третий (четвертый-пятый-шестой...) примчусь в Москву ради разных корыстных целей, в числе которых, конечно, не последняя – посмотреть на твою Светлану.

Берегись! Такой опытный, выдавший виды галантерейный господин прилетит к вам!..

Это тоже шутка, не такой уж я нынче и *галантерейный*, как на нашем первом курсе. А серьезно – береги ее... Если она – та самая Она, то надо суметь не только завоевать ее, но еще и удержать. И сохранить.

А имя-то какое прелестное! Свет-ла-на! Чудо! Весенний утренний свет в зазеленевшем майском березняке!..

Почему ты почти совсем не пишешь о своих делах? Ишь, какой Шопен выискался, все ему музыка, девушки да какие-то репетиции! Будь они неладны...

Ладно, пока.

Счастливо, привет всем.

Игорь».

ЧЕТВЕРТОЕ ПИСЬМО

Александр Михайлов. Запись на последней странице лекционной тетради

Москва. Библиотека МГУ.

Около 12.15 18 Марта 1982

«...Вот и сижу я в библиотеке...

Просматриваю старые страницы, листаю давно защищенный реферат.

А она – где-то на семинаре, тоже занимается чем-то научным.

Я, сидя здесь и выводя распределение Максвелла, думаю о ней.

Что я думаю?

Я думаю, что мы знакомы всего пять дней.

Я думаю, что у нее, может быть, есть свой парень, которого она любит.

Я знаю, что есть парни, по уши влюбленные в нее.

И, хоть внешне мы с ними нормально, в подсознании – немой вопрос.

По крайней мере, у них...

Мне кажется, что я в состоянии составить им конкуренцию на многих фронтах.

Я даже знаю, что некоторые уже одерживают победу.

Но я не хочу любви к моим сомнительным талантам, которые когда-нибудь померкнут.

Я хочу любви к себе.

Если она способна на такую любовь – я буду счастлив.

Мнится мне, что я замечаю ее искреннее расположение к моей особе.

Взгляды, которыми она одаривает меня, по-моему, теплей и глубже взглядов, адресованных другим.

Мне кажется, ей приятно мое общество.

Как это мало – пять дней!

И как бесконечно много...

Так ли в действительности то, о чем я сейчас размышляю?

Я надеюсь – да.

Но не уверен.

Бесспорно, мои выходки произвели на нее впечатление.

Но не мимолетно ли оно?

Это покажет ближайшее будущее.

Если во всем – да, а в последнем – нет, то я счастлив...

На пять минут.

Буду ли я когда-нибудь, с кем-нибудь счастлив?

Не знаю.

Но она!

Сейчас она – предел моих мечтаний в устремлении их к Бесконечности.

Я пишу, думаю о ней.

А что-то делает она?

Думает ли обо мне?

Я надеюсь – да...

Но так ли это?..»

Примечание Игоря Белова:

Это письмо было написано на том же листке, что и черновик посвящения к Весенней Оде; а после вырвано и забыто Сашей в лекционной тетради за 1982 г. Саша давал мне свою тетрадь смотреть какие-то формулы, вырванный лист я переложил к себе закладкой. Так он и попал ко мне.

ПЯТОЕ ПИСЬМО

Мария Волошина – Игорю Белову

Москва – Краснодар

23 марта 1982

«Дорой Игорь, я очень редко пишу, но сейчас вот что-то приболела и взялась с тоски за перо. Подумала кому-бы написать? Посмотрела записную книжку и оттуда вывалился листочек с адресом 350017 Краснодар... и т. д. Я вот и вспомнила тот вечер когда ты уезжал. И вот решила тебе черкнуть. Не то что уж больно здесь тоскливо в Москве да все же верно, в Краснодаре лучше. Там небось и травка зеленеет и солнышко блестит, да? А вот у нас и ласточка с весною никуда к нам не летит, разве что одни воробьи с голубями грязные и мокрые порой заглядывают в окно. А я сижу и хандрю, хандрю и болею. Вообще-то препротивная штука весна. Ладно, пусть уж, зимой холодно. Но зимой и есть холодно и снег белый и лед крепкий. И главное сухо на улице. Сухо на улице, сухо и у нас в душе. А сейчас, когда подули промозглые западные и южные ветры и подмочили белые сугробы, подмочили они и мое настроение. Ты извини пожалуйста, что я таким образом высоко философствую. Ты сам конечно помнишь уезжая разрешил писать ели что. Ничего не случилось, просто захотелось пообщаться с умным человеком. Не знаю кажется ли мне или нет, что на улице холод, промозглость и серость, наверное кажется, да бог с ним. Расскажу ка я лучше тебе о своих делишках. Несколько дней назад я приехала из подмосковья где в пансионате отдыхала в течение двух недель в Черноголовке. Вот там было сдорово! Была там компания парней и девченок и я была в этой компании. Мы ходили в лес на лыжах, устраивали небольшой пикничек в лесу. Под вечер снимались и засыпав костерчик пушистым и еще сухим в лесу снежком к ночи возвращались назад. Мной там был увлечен какой-то парень, зовут Славкой. Он довольно ничего на гитаре и песни поет. Мы там с ним однажды ночью пошли гулять и так было хорошо, что я подумала что с удовольствием забыла-бы и Москву и свой дом и Сашку и всех дружков, вот так-бы гуляла со Славкой, думала-бы о возвышенном, а вечером-бы сидела как у Булгакова при свечах и слушала-бы музыку Штрауса. (*) Ладно, я не стану распространяться о высших материях сейчас. Мне правда весьма сейчас плохо ну и ладно. Расскажу-ка я тебе о чем-нибудь нейтральном, о Сашке например. Честное слово я совсем о нем не думаю. Даже самой смешно как мало он для меня значит. А ты помнишь когда ты уезжал он от меня глаз не отводил! А знаешь я тут, однажды, - встретила Сашку где-то в центре с какой-то девченкой. Он меня узнал но я виду не подавала что, хоть чуть, рада. Мы поговорили, чуть-чуть. Девченка, кажется Света, почти все время молчала. Один раз только соизволила заговорить когда сдоровалась. Я ее так испоттишка разглядела, вроде ничего, худая только. Да, все равно она мне как то не понравилась. Зазнайка какая-нибудь или притвора или того пуще какая-нибудь дикарка и тихоня. Да и поближе разглядев я подумала, что она так, ничего особенного. Глаза иногда щурит, родинка на лице маленькая, но ассиметрию создает все равно. Жалко было-бы Сашку если-бы он попал в руки такой примерной на первый взгляд тихони. Ой, Игорь, звонок мне в дверь. Это одна моя подруга Оксанка. Мы с ней договорились что она сейчас зайдет и вот пришла. Я поэтому заканчиваю. Пока. Хочешь пиши. Адрес на конверте. Маняша».

(*) *Примечание Игоря Белова:*

Я не берусь устранить в этом письме все грамматические ошибки. Их слишком много, к тому же они придадут тексту «неповторимый авторский стиль», и мне хотелось бы его сохранить. Что касается Булгакова, то в «Мастере и Маргарите», в главе «Прощение и вечный приют», цитируемое место таково: «...А вечером слушать музыку Шуберта». Если Маша имеет в виду этот момент, то она просто перепутала. Благо оба на букву «Ш».

ШЕСТОЕ ПИСЬМО

Светлана Филонова – Элле Меркуловой

Москва – Ленинград

29 марта 1982

«Элла, добрый вечер!

Смотрю на часы: правильней сказать – доброй ночи...

Как же давно я не видела тебя, дорогая моя подруга, тоскую по тебе, соскучилась страшно.

Уже весна – удивительная и каждый раз новая – вступает в свои права. Позади осень и зима новой жизни, столь не похожей на школьную... А мне жалко школы. Я часто, чаще, чем хотела бы, вспоминаю наш класс... Помнишь выпускной вечер? Тогда, в последний раз, мы собрались вместе, и будто случайно распределились по дружбам, романтическим тайнам и историям. Мальчики – девочки... Мы повзрослели... Когда-то кое-кого из нас дразнили одноклассники, считали подозрительной такую дружбу. И немного злились. Потому что завидовали. А теперь вот повзрослели. И не завидуем. И сами отдаем в полутьме школьного зала дань этой тайне, не вынимаем руки из руки милого и столько лет знакомого парня, который когда-то дергал нас за косички и увесисто получал в ответ учебником, который потом, позже, нес наш портфель, а уж совсем недавно неумело и храбро пытался поцеловать нас на морозе в щеку, а попадал в шапку... А сегодня мы прощаемся. Быть может, надолго. Быть может, навек. Кто знает, что ждет там, в свете быстро наступающего нового дня...

В меня все годы был тайно влюблен Алеша Кораблев. Догадалась я о том лишь в девятом классе. Если помнишь, в десятом мы с ним сидели вместе на всех уроках, ходили в кино, а вы смотрели на нас искоса, но ничего не говорили. Он хороший парень и очень нравился мне...

Вот он и оказался рядом со мной – будто бы случайно. Мы забрались в самый темный уголок. Темноты в ту ночь, по правде говоря, нигде не было, в окна смотрела безоблачная июньская заря, и даже самые укромные места были едва прикрыты вуалью сумерек. Мы сидели и наблюдали за одноклассниками.

Ты, Элла, была с Сережей Рифкиным. Вы еще пытались танцевать.

А мы вдруг размечтались: что будет с нами дальше? Где будет через год Сережка, где будет Танька Тасенко, где будешь ты? Где будем мы с Алексеем?..

Он меня попросил: ты, Светка, подожди немного... - Что? - Ну... - он смутился, - ну, не забывай, что ли, меня пока, вспоминай иногда.

Мне почему-то стало смешно. Я сказала, что постараюсь.

Прошло лишь несколько месяцев, и мы разъехались по миру. Сергей в Вильнюсском Университете. Тебя судьба и родители увезли в Ленинград. Алексей в Иркутске, в военном училище. Я поддерживаю его и пишу в Иркутск. А я... Почти одна, я осталась здесь, в Москве, но тоже оказалась в другом мире, нимало не похожем на прежний. Всего триста дней назад мы были вместе... И вот новый мир, новые интересы, новые друзья.

А старые уже не все. Не знаю, известно ли тебе или нет, что Коля Шемчук – тот самый весельчак Шемчук из «А» класса, клоуном все его звали, учителей пародировал очень смешно – так вот, он ушел в армию в ноябре. Я ходила провожать его среди прочих. А теперь мы узнали, что он уже не вернется. Месяц назад в Афганистане их взвод попал в засаду.

Странно, но я не могу этого осознать.

А что-то будет с нами еще через год? Мы совсем молодые люди, нам надо жить сегодняшним и завтрашним днем, мечтать о славе и радоваться жизни. Но я почему-то не могу жить только сегодняшним и завтрашним, не могу только радоваться. Очень часто, даже в веселые моменты, мне становится как-то одиноко и раздумчиво. Мне становится жалко тех, кто далече сейчас, и кто будет далече еще через новые двенадцать месяцев.

Что-то я расчувствовалась. Фу! Меняю тему.

Дела мои, в общем, хорошо. Первую сессию сдала со стипендией, к учебе почти приспособилась. Вот только ехать из нашей «тундры» два часа до Университета – все равно, что к тебе в Ленинград. Однако и в этом я научилась находить известную прелесть. Иной раз рано утром, зимой, едешь к первой паре, а за окнами электрички еще беспросветная темень. И вагоны

почти пустые. Я стараюсь не поддаваться сонливости в эти минуты. Знаешь, как интересно подсматривать за попутчиками! За всеми вместе и за каждым... Вот мужчина читает что-то научно-техническое. Сидит, преодолев сон, пометки на полях делает, грызет гранит. Другой, постарше, дочитывает детектив. Этому не до сна, не до зимы, не до электрички. Не проехал бы... По диагонали в уголке молодая женщина вяжет что-то яркое и маленькое, явно детское. Квартет студентов в соседнем купе самозабвенно спит, презрев грядущие зачеты и экзамены. Как в той поговорке – поднять их подняли, а разбудить забыли. Братья по разуму. Напротив меня молодой человек, лет двадцати пяти, делая вид, что дремлет, сквозь полуопущенные веки, как и я, внимательно, острым глазом наблюдает. Мы застигнуты друг другом: я знаю, что в данный момент он смотрит на меня, а он видит, что я это поняла. Он закрывает глаза. Я тоже. Погружаюсь в какие-то стремительные волны, тону в своем недосыпе, вздыхаю медленно и глубоко, выныриваю... Открываю глаза вновь и далее уже смотрю в окно. Куда-то убегают бледные окраинные фонари. За окном – полусонный заснеженный пригород, посеребренный бегущим навстречу рассветом. Солнце всходит уже позже – значительно позже, когда я еду в автобусе. А пока блестят из мрака искры окошек. А за ними видятся искры чьих-то судеб. И спрашиваю я себя, а как выглядит из окна проходящего мимо поезда моя искорка? И когда, встреченная рассветом, она погаснет?..

А электричка постукивает себе, покачивается, народу становится больше, все едут на восток, в город, навстречу дню и своим делам. И вместе с рассветом на поезд накатывает привычный и новый мир, с его знакомыми и незнакомыми людьми, событиями и сомнениями, радостями и разочарованиями...

Недавно, перед восьмым марта, я получила неожиданное письмо. Передало мне его странное существо в черной мохнатой шубе и такой же шапке, похожее на Йети. Если говорить точнее, оно мне не *передало* письмо, а скорее им в меня *кинуло*. Под шкурой Йети угадывались контуры студента физфака, которого моим близоруким окулярам удалось идентифицировать. Я прочла и неделю пребывала в каком-то плавающем настроении. Там оказались стихи, между прочим, довольно милые и посвященные мне. В Университете я хотела поблагодарить Йети за любезность, но он исчез. Вообще, он вел и ведет себя очень странно. Я спрашивала про него у знакомых, поверишь ли, я *сама* искала встречи с ним. А он продолжал играть в какую-то нелепую игру. Уходил от встреч. Не здоровался. Не замечал меня – демонстративно, при других... Я уже готова была закрыть эту тему, но в этот момент, вечером в субботу, он нашел меня сам. И украл.

Зовут его Саша. Много Саш на горизонте. Не знаю... Теперь мне уже кажется, что *звали* его Саша. Он как-то высокомерен, не очень вежлив, невнимателен ко мне. Тогда зачем были эти стихи, зачем он подарил мне их?

Или я плоха для него? Смотрю в зеркало – вроде бы нет. Скучна? – Но что я могу сделать, если я немногословна и не люблю светиться; не кокетлива и не громкоголоса? Неужели ему именно это надо, а иначе неинтересно? Или, может, мило, пока ново, а стало привычно – и все? Но я же – ясное дело – не буду себя ломать, меняться, бегать за ним...

Такое вот у меня недоумение.

Только что он был небрежен со мной по телефону. А я – я не стала ему ничего отвечать. Подождала немного, вдруг прозреет, не дождалась, попрощалась, повесила трубку – и сижу, смотрю в зеркало, пишу тебе...

Что он хочет от меня? А я – от него? Я, вроде, ничего. А он? Неужели – тоже ничего? Тогда тем более – при чем тут я? Ну ладно, бог с ним.

Пожаловалась, стало легче на душе.

Как у тебя дела? Ты что-то совсем о себе не пишешь...

Привет тебе от всех общих знакомых, с кем я еще общаюсь.

До свидания, надеюсь, не столь отдаленного.

Целую! Светлана».

Примечание И.Б.:

Это письмо в моей подборке отсутствовало. Его добавила Элла Меркулова.

СЕДЬМОЕ ПИСЬМО

Александр Михайлов – Марии Волошиной

Днепропетровск – Москва

3 апреля 1982

«Привет, Машутка!

Пока это письмо до тебя дойдет, будет середина недели, опять работа, забота...

А сейчас – суббота.

И в эту субботу – ни работ, ни забот.

Вот.

Откуда только я тебе ни писал! – Из Иркутска – писал. Из Одессы – писал. Из Еревана – писал. Из Сочи – писал. Из Приэльбрусья – писал. Из Баку – тоже. А из Днепропетровска еще не приходилось, да?

Вот пишу и из Днепропетровска.

Объясняю: от нашего факультета послали «гастрольную бригаду» на какой-то праздник в местный университет.

Там, в Москве, еще и шапки не все сняли. А здесь мы ходим в пиджаках да в легких рубашках с распахнутым воротом.

Сегодня вечером у меня в клубе небольшой концерт. Сначала буду играть маленькую сонату Бетховена, а потом с пианистом из Тбилисского университета, в четыре руки, мы попытаемся импровизировать джаз и поиграем на танцах, если получится, конечно.

Ни клуба, ни рояля я еще не видел.

С пианистом же – моим тезкой – я только что познакомился в парке, возле пруда – где утки.

Уехал я сюда *спонтанно*, в полном смысле этого слова. Еще позавчера не знал, не предполагал, что унесет меня дорога за полторы тысячи километров в страну Хохляндию.

А вчера вызывает меня в комитет комсомола авторитетная комсомольская активистка Лариса (из нашей общаги) и заявляет, что «надо». Комсомол, мол, Университета посылает меня к «братьям по разуму» на какой-то весенний фестиваль.

Что правда – то правда. Фестиваль, действительно, весенний, особенно на юге.

Поэтому я с удовольствием покинул столицу, а также тех, кто меня к ней привязывал...

А они...

Я не знаю, Маша, *они* – те, кто мог удержать меня в столице, – очень, конечно, хорошие, красивые, милые люди. Ты *их*, по-моему, видела, да?

Вот только одно: я постоянно ищу людей, как бы это сказать, ну, что ли, *достойных* меня. А *они* достойны. Так слишком, так сильно достойны, что, боюсь, я *их* недостойн.

В общем, мне стало не то, чтобы скучно, но... как-то... чересчур уж хорошо и благополучно. К тому же мне показалось, что *им* все равно. И вот я здесь. А *они* там. То есть – наоборот...

Машенька, когда я вернусь, мы с тобой пойдем в кино. Ты же еще не смотрела недавний фильм с Муравьевой? Если не успела – покупай к десятому числу билеты. Вернусь – сходим с тобой. Обязательно.

Ну ладно, Маша.

Ты там смотри, не хандри. А то мне разведка на тебя жалуется. Кто – не скажу ни за что, хотя это был Игорь.

И еще, говорят, с запятыми и грамотой ты, как всегда, не в ладах...

Безобразие!

Ну, все, счастливо, до встречи.

Вновь, как и всегда, твой – ШУРИК».

ПРИЛОЖЕНИЕ К ШЕСТОМУ И СЕДЬМОМУ ПИСЬМАМ

Записка, наскоро начертанная двумя различными почерками.

Случайно сохранилась в той же тетради.

Где-то около середины мая 1982

«- Сашка!

Она же изумительная девушка!

Как же ты можешь так с ней обращаться?

Если уж ты к ней охладел, то хотя бы веди себя по-человечески, не демонстрируй пренебрежение, не обижай ее.

Может, ты забыл, что это именно ты первый к ней полез, а вовсе не наоборот?!

Эх, не будь ты мой друг, я бы тебе...

Свинья ты последняя!

А. Лысов» (подпись)

- Не твоего ума дело.

Александр.

- Хамите, Шура...

- *Много милых смайлов*

Видит А. Михайлов.

И на всех он сходу

Сочиняет оды.

Сие озарение пришло Князю Игорю, не Северскому, а очень даже Южинскому.

Вписано сюда А. Лысовым.

- И не его ума дело...»

ЗДЕСЬ – ЛОГИЧЕСКИЙ ПРОМЕЖУТОЧНЫЙ ФИНИШ ЭТОЙ ИСТОРИИ

ИНТЕРЛЮДИЯ 1

Из неотправленного письма

Даты и подписи нет

«...Цветные сны, мой друг, не столь уж редки в нашей жизни.

Цветные сны - это отчасти сама наша жизнь.

Цветные сны - порой нечто большее, чем жизнь.

Почему?

Существует древнее учение о единении и отождествлении личности и природы – Йога. Тысячелетия назад пришедшие из глубин Космоса мудрецы сопоставили свои впечатления и чувства, свой внутренний мир с объективными явлениями и фактами мира внешнего. Контраст между бездонной и стройной глубиной личности и стихийной, случайной пестротой остального, подобной пестроте заплат на старом нищенском платье, был поразителен.

И совершенно логичен был простой вывод, что внешний мир является лишь бледным, слабым отражением невообразимого богатства души.

И здесь были Цветные сны.

Цветные сны – это самый верный способ проявления нашего «я».

Мы живем внешним, мы говорим и пишем словами, которые есть не более, чем символы. Но мыслим мы Цветными снами. Любим мы Цветными снами. Даже, если угодно, дышим ими.

За окном шелестит по листьям дождь, напоминая об осени.

За окном шелестит по струнам дождь, навевая Цветные сны...

Почему многие великие творцы так любили осень?

- потому что ее неяркие дни и темные вечера не отвлекают взоров от призрачного полумрака Цветных снов и их созерцания.

, в коем полумраке надо разобраться, чтобы, словами поэта, «дойти до самой сути».

В этом единстве личности со своею сутью Йога видит истину.

А дождь за окном все идет и идет, пробуждая во мне воспоминания, а за воспоминаниями колышутся призрачными сетями Цветные сны. Они поднимаются из неведомых, таинственных глубин, переливаются секунда от секунды ярче и радужней и вопрошают мою ненайденную суть о том, где она, что с ней, кто с ней и кто она...

Вот так, друг мой.

На подоконник под открытой форточкой падают крупные капли с карниза.

Темнеет, и с темнотой ярче воцаряются в моей Вселенной Цветные сны.

На улице идет дождь...»

ИНТЕРЛЮДИЯ 2

Александр Михайлов

Москва, библиотека МГУ.

4 Сентября 1982

ОДА № 15 «РАЗМЫШЛЕНИЯ» (В прозе. Из соч. 7 «Оды»)

«Наступила осень. Сентябрь...

Были и будут еще теплые дни, небеса голубой чашей опрокинутся над землей, почти полетному пока зеленой, и уходящее солнце сможет согреть наши остывающие к зиме сердца.

А пока – сидишь в теплой комнате, наслаждаешься тихим жужжанием засыпающей мухи, ищешь философский камень в созерцании.

Наслаждаешься теплом и мягким светом вокруг. Наслаждаешься непогодой и ветром на улице, вонзающим в стекла мелкие острые колючки дождя...

Цивилизация!..

Самое время помечтать...

...И взглянуть из Космоса на Землю.

Первозданной, дикой кажется она; никаких видимых проявлений рождения, жизни и творчества миллиардов мы не увидим. И, тем не менее, маленькая планета Земля стала матерью для тысяч поколений людей, в памяти каждого из которых уместилась вся бесконечная Вселенная!

Одиноки ли мы в этой самой Вселенной? – вопрос столь же древний, как цивилизация.

Одиноки ли мы во Вселенной? – но чем хуже миллионы других солнц Великого Космоса; почему человечество упорно сомневается в отрицательном ответе на вопрос сей? Почему?

- Потому что страх.

Страх – тоже порождение разума и цивилизации. Неживой природе страх неведом.

Мы и желаем, и боимся узнать о существовании наших ближайших соседей.

Что эти – ближайшие – скорее всего, неизмеримо далеко – и успокаивает, и раздражает.

Но что они, соседи, где-то есть – можно ли сомневаться?..

Желаем – и потому испокон веку смотрим в небо; неустанно слушаем голоса Вселенной, чтобы уловить сигналы какой-нибудь другой, робкой жизни; сигналы, посланные, возможно, еще до появления первобытного океана на Земле...

Боимся – что если вдруг некий сверхразум нарушит наше уютное уединение, то не захочет ли он поживиться за счет трудолюбивых, но, вероятно, отсталых, по сравнению с ним, людей?

Но чтобы преодолеть просторы Космоса и Времени, надо быть истинно сильным.

А истинно сильный не может быть злым.

Зло – порождение страха, неуверенности, слабости, наконец...

Подвластен ли истинно сильный страху и неуверенности?

И нет ли главного противоречия в самом сочетании: истинно сильный и слабость?

Кажется, есть.

Цивилизация, однако...

Тихо возится уютная муха. Гудит за окном ветер, вонзая в стекла мелкие осенние колючки дождя...

Сентябрь.

Будут еще теплые дни, раскинутся над землей голубые небеса, и уходящее солнце ненадолго согреет наши остывающие к зиме сердца.

Но спать им уже до самой весны.

Наступила осень».

ПРОДОЛЖЕНИЕ

ВОСЬМОЕ ПИСЬМО

Элла Меркулова – Светлане Филоновой

Ленинград – Москва

24 сентября 1982

«Привет путешественникам!

В конце лета отправила тебе письмо в нашу «тундру», оно долго где-то блуждало, а потом вернулось с комментарием – адресат переехал по такому-то адресу...

Ты смешная. Поругиваешь меня за то, что я подолгу не отвечаю, а сама не сообщаем о том, что вы поменяли квартиру и живете теперь в Москве...

Пишу заново, мне не лень.

У меня все по-прежнему, я учусь на реставратора в «Мухе» (Училище имени Мухиной) и работаю у отца в лаборатории, такое положение дел.

Незамужняя. И пока на это мне довольно лениво.

Каникулы у нас – понятие относительное, но времени побыть праздной вполне хватает. Так что приезжай, когда захочешь, когда сможешь, хоть на новый год, хоть (это, наверное, будет лучше и *на подольше*) сразу после сессии.

Места у нас достаточно, живем мы недалеко от Таврического сада, так что и метро рядом, и пешком – куда хочешь – дойти можно. Например, от дома до моей «Мухи» двадцать минут приятной прогулки, а от нее и до Летнего сада рукой подать.

Приезжай! Мои родители будут тебе очень рады, ну а я-то!..

Пишут мне иногда одноклассники. Сережка было пропал, но объявился. Говорит, что, наверное, переведется в Москву. Тоже грозился заехать...

Как видишь, пока не теряемся.

Ну, все, я накоротке, пиши, как там у тебя... По-прежнему ли «много Саш на горизонте»? Иронично ты тогда сказала. И чего-то не досказала...

Целую тебя, Светка-Таблетка, твоя Эллка – Пыхтелка...

Помнишь 3 класс?

Хи-хи...»

ДЕВЯТОЕ ПИСЬМО

Александр Михайлов – Марине Булучевской

Москва – Ярославль

29 сентября 1982

«Здравствуй, Марина. Спасибо тебе за письма!

Мне очень приятно, что ты меня не забываешь, и четыре года, которые мы с тобой не виделись, не прекратили нашей дружбы. Я рад, что есть на свете люди, с которыми можно поделиться сокровенным. И удачами, и проблемами. И горем, и счастьем.

Даже не знаю, чем тяжелее делиться. Как думаешь ты? Мне кажется, что счастье, будучи сродни безмерному, даже неудобному, хотя и радостному удивлению, напоминает твою реку Волгу, когда весенним ясным днем, голубая, синяя, черная в полыньях среди снегов, ломает она лед и разрушает дороги, по которым ходили люди долгую зиму и которые уже казались вечными...

Говорю загадками?

Попробую объяснить. Я тут начал кое-что сочинять, и если тебе это не понравится, просто смолчи. А если понравится, то... Пожалуй, смолчи тоже.

Так вот, недавно, недели три назад, я написал стихотворение:

СОНЕТ- МАДРИГАЛ

(5 Сентября 1982)

Увы, синьора, Вы прекрасны!

Увы, синьора, Вы милы...

Как в горной дали, чистой, ясной

За версты слышен крик муллы,

В московской дымке влажно-серой

Сияет взгляд манящих глаз.

И робко юноша несмелый

Засмотрится на Вас подчас...

Что, слишком робок он для Вас?

Иль не посмел взлететь над Вами,

И не услышан его глас?

О нет, синьора. Просто Вы

Напрасно то познали сами,

Что так прекрасны Вы... Увы.

А была она воистину прекрасна. Звали ее Светланой, и это имя как нельзя более соответствовало ей. Попробую нарисовать портрет. Невысока ростом, мила и грациозна. Непринужденна и как будто проста. Стройна, экономна в движениях и словах. Большие серые, излучающие притягательную энергию глаза, густые и послушные темные волосы. Теплой весной, в белом платье и с белой повязкой, обхватившей голову, была она похожа на античную статую юной весталки, которая при этом осознает свою красоту, любуясь собственным отражением в зеркалах какой-нибудь итальянской галереи.

В глазах, видимо, с рождения был приличный «минус», очки у нее имелись, но она их почти не носила, и ее странно расширенные зрачки оказывали гипнотическое действие, а еще – создавали обманчивое впечатление доверчивости и незащитности.

Она, кстати, была похожа не только на статую весталки, но еще и на девочку-мадонну. Не Перуджино, не Леонардо и не Рафаэля. Скорее – Мурильо.

Она походила бы на девочку-мадонну Мурильо, но в безукоризненных чертах ее лица не было абсолютной симметрии. Над верхней губой, слева, темнела маленькая родинка.

Не то, чтобы родинка портила ее – напротив! «Особая примета» намекала, что она, все же, земная девушка, и многим соискателям ее благосклонности это сулило надежду на успех.

Познакомился я с ней в марте. Написал стихи, посвятил ей и подарил.

Потом были две недели совместных скитаний, свихнутых мозгов и бессонницы.

Мы очень много времени проводили вместе, мы были замкнуты только друг на друга и даже, наверное, влюблены, но все это – практически бесконтактно. Даже за руки почти никогда не держались, будто каждый охранял свое личное пространство. Возможно, именно поэтому наша платоника постепенно стала сходить на нет, и затем, как-то само собой, я отдалился от нее, а она – от меня. Первая, по-моему, стала уходить именно она, мы почти перестали встречаться и лишь изредка общались по телефону. Потом и это прекратилось.

Закончилась весна, мы нырнули в свои сессии, пролетело лето, а с ним и практика.

Сентябрь – невольный повод посмотреть назад, и я, увидев однажды Светлану издали на факультете, но почему-то не подойдя к ней, задумался. Я поймал себя на том, что мне жалко контрастных мартовских дней, прохладных вечеров и ее волнующего присутствия рядом. К тому же стало слегка обидно, что со мной даже не поздоровались. Какая-то детская досада зашевелилась в душе, попросилась наружу и выплеснулась в сонет-мадригал.

Но так уж повелось, что сентябрь – это фундамент под здание семестра да и всего учебного года, так что обиды и досады были волевым решением отставлены.

В сентябре я много занимался, кое-что писал, кое-где выступал.

Были у меня и другие дела, так что Светлану я не видел и почти не вспоминал.

Так бы и продолжаться всему, но...

Но мир тесен. Однажды мы встретились в автобусе. Выяснилось, что теперь мы живем недалеко друг от друга и нам почти по пути. Что делаешь да как дела... - поначалу я слушал полуха, думал о своем, общался кое-как и, вообще, был не расположен разговаривать.

Однако, не расположенный, я забыл, что такое ее глаза, ее красота и спокойное обаяние...

Язык мой неожиданно разогрелся, я включил форсаж, захватил в разговоре лидерство, поведал о своих выступлениях, вспомнил накопленные за лето анекдоты...

Она слушала вежливо и терпеливо. Где надо улыбалась, где надо понимающе кивала и время от времени в отражение стекла поглядывала на меня.

Наконец, я добрался до эпиграмм и пародий, которыми некоторые наши общие знакомые баловали меня в последнее время (что мне льстило).

Она дослушала до конца, помолчала и неожиданно спросила: «А ты не мог бы сочинить пародию, эпиграмму или еще что-нибудь смешное – для меня?»

Просьба показалась мне странной. Шутит она или нет? Все то время, что мы с ней общались, тревожили меня какие-то комплексы, не давало покоя подозрение, что она спокойно и почти серьезно в глубине души со мной шутит. Мне было с ней непросто, с ее непонятной, сомнительной серьезностью. И тянуло к ней все время, и в то же время хотелось надерзить и сбежать... Что и произошло, в итоге. Я ничего не сказал ей про недавний «Мадригал». Ничего там не было «смешного». С одной стороны так. А с другой – а вдруг ей все же дороги мои сомнительные стихи и наши весенние воспоминания? Может быть, и в самом деле ей хочется, чтобы мое не слишком-то умелое перо вновь вывело рифмы в ее честь?

Так я думал, а вслух сказал: «Я не могу написать на тебя эпиграмму. Эпиграмма укрупняет перегиб, высмеивает недостаток и порой весьма злобно. А ты красива, как... - я не мог подобрать подходящее слово, пришлось ограничиться банальностью, – как мечта. Ты посмотри, как они все на тебя смотрят! Потому что ты очень красивая. Поэтому так: во-первых, на красоту пародию не напишешь, а во-вторых – я писать эпиграммы не умею».

Я так и не понял, расстроилась она или скрыла улыбку, закусив губу, отвернувшись и ничего не ответив. Наступившее молчание показалось мне неловким, я испугался, не слишком ли я

резок, категоричен и смешон, не обидел ли ее чем-то. Чтобы сгладить ситуацию, я будто невзначай положил ладонь на ее руку, державшую поручень. Рука вздрогнула, напряглась, но не ускользнула. Светлана опустила голову. Молчание продолжилось, еще более неловкое и напряженное. Я стоял лицом к ней, любовался маленьким ухом с изящной золотой сережкой, очень мило спрятавшимся в волосах, и едва удерживался от внезапного, глупого и навязчивого желания поцеловать ее в это ухо или хоть в макушку, а потом обернулся.

Мне показалось, что мужчины в автобусе действительно отвели глаза.

Некоторые – с неодобрением, что смею расстраивать такую девушку.

Другие – с сожалением, что нельзя поменяться со мной местами.

Типа того, что подобную красоту надо на руках носить, а такие, как я, только все портят...

Только все портят, да...

Эх-ма...

Трудно было разобраться в самом себе, в причине внезапно возникшего высокого напряжения, да и вообще во всем.

Что-то непонятное тревожило и волновало, какой-то новый, колющий ток струился из ее руки в мою, бередил воображение. И не только воображение.

Я сделал усилие и убрал свою руку, прощаясь.

Она подняла голову, сказала «пока», кивнула и стала смотреть в окно.

Я спросил, можно ли проводить ее.

Она ответила, что нет, лучше не надо.

Я пожал плечами и направился к выходу.

Мне уже хотелось, да, хотелось проводить ее, но тут уж делать было нечего.

Двери отворились. Я вышел из автобуса и на секунду остановился.

В громыхании железа автобус уехал прочь, и я смутно разглядел за пыльным задним стеклом хорошенькую Светланину головку. Светлана не смотрела на меня. Она смотрела вдаль.

Моя ладонь хранила ощущение и тепло ее нежной кожи.

Я поднял руку. Тонкий, почти неуловимый, знакомый и по-осеннему новый запах духов еще больше растревожил меня.

И тут на меня накатило! Что же это происходит?!

Неужели это все было в действительности? Лекции профессора Николаева и весенняя подмерзающая лужа на тропинке... Московские ночные скитания... Март и влюбленность... Апрель и размолвки... Лето и равнодушие?

Было. Многое... Но, кажется, далеко не все было так. Кое-что, конечно, мне приснилось, а сейчас я проснулся и вновь попал... куда? Что же это такое? Сколько я проспал? Вот что это такое: я проснулся там, вновь в марте, и память сама разделила все видения на сон и явь. Остро и будто заново чувствуя, я переживал сейчас первую неделю, первый день, первый час нашего знакомства.

Как похожи эти два мига! Ужасно, невероятно, мистически похожи – с точностью до наоборот. Был автобус... Нет, был троллейбус. Увозил он меня, а она смотрела на меня сквозь стекло с улицы. Рукопожатие, темные силуэты, вечер...

Март... Настроение весеннее, гасящее разум, все нипочем.

А что сейчас? Прозрение у меня или умопомрачение?

Сейчас ведь сентябрь. Анти-март... Анти-автобус... Анти-рукопожатие... Анти-настроение... Анти-прощание... Анти – все!

Что еще, что тогда было дальше?

Нет, если анти – что было ДО того мига?

А вот что: тогда я написал ей оду. Весеннюю.

А если так...

Конечно, надо вновь написать ей оду. Анти-весеннюю!

Конечно, оду! Напишем оду!

Я шел домой и повторял: напишем, напишем! Напишем...

Целый вечер я носился с этой идеей, слушал странные рифмы, пробирался сквозь плавные трехдольные ритмы...

Я умывался, ужинал, смотрел телевизор и совсем ничего не воспринимал.

А потом я сел за стол и, почти уже готовую, записал Оду.

И была это Осенняя Песнь.

ОДА № 19 «ОСЕННЯЯ ПЕСНЬ» (Из соч. 7 «Оды»)

Вот бы мне подлететь
К облакам над тобой,
Песню дивную спеть
В честь осеннего дня,
И тебя вознести
Над поблекшей землей –
Трудно будет найти
И тебя, и меня.

Вдохновенье мое
Не впервые к тебе
Направленье свое
Выбирает, любя.
Много зим, много лет
В нашей общей судьбе...
Что с того, если нет
Вновь со мною тебя...

Вот осенний листок
Пожелтый висит.
День иль два – минет срок –
Он рассыплется в прах.
Но природы закон
Им еще не забыт,
И купается он
То в дожде, то в лучах...

Солнце, редкий ты друг
Наших будничных дней.
Долгожданный досуг
Мы проводим во тьме.
Но уж выглянешь раз –
На душе веселей
И теплее у нас,
И в тебе, и во мне...

Мы гуляли с тобой
Над поникшей травой,
Мы кленовой листвою
Наполняли букеты.
Солнце вечной тропой
Возвращалось домой.
Взявши Солнце рукой,
Возвращалась ко мне ты.

Если счастлива будешь
С другим, не со мной,
Все равно не забудешь
Сей день никогда.
И вернется назад
Пожелтевшей листвой
Впечатлений наряд
Через многи года.

Мы с тобой понимаем
Друг друга сейчас,
Мы достаточно знаем
Меня и тебя?
Возвращайся! Я рад
Быть с тобой каждый час.
В солнце, в ливень и град,
И скорбя, и любя.

Что же я, спросишь ты? –
Я иль ввысь вознесусь
И достану цветы
На Парнасовом склоне.
Иль с его высоты
Упаду, разобьюсь,
Как разбились мечты
Моего Фаэтона.

Как же трудно найти
И тебя, и меня...
Как же трудно нести
Мне мечту над землей...
Песню дивную спеть
В честь осеннего дня...
Вот бы мне подлететь
К облакам над тобой...

(17.09.1982)

Я не страдал отсутствием рифм. Я не подбираю мучительно слова.

Я думал о Светлане. И о себе.

Я писал ровно двадцать минут. А после многие часы перечитывал написанное, размышлял над ним, и многое мне самому было непонятно. Что я хочу? Зачем? Но я не изменил ни слова, не исправил ни одной корявости – пусть останется так, раз уж так получилось – и на бумаге, и в жизни. Я долго в ту ночь сидел под неяркой настольной лампой и думал – неизвестно о чем.

А потом я уснул прямо за столом...

На следующий день я позвонил Светлане, и мы уговорились идти в парк.

Мы встретились в бело-желтых, розово-голубых декорациях догорающего сентябрьского заката. Она задумчиво шла по тропинке, смотря под ноги, и ворошила осеннюю палую листву.

И ворошила весенние воспоминания.

Тогда я промолвил: «Света, а я написал...» - и протянул ей незапечатанный конверт. Она посмотрела на меня, ничего не сказала, взяла конверт и ушла вперед. А я отвернулся, отошел на несколько шагов и стал смотреть в небо.

Неужели это я – робкий, несмелый юноша? Конечно, и я на нее засмотрелся. Да разве же на нее можно не засмотреться? И уж вовсе она не безразлична мне, как хотелось бы изобразить.

Иначе почему я с какой-то тревогой и досадой, с непонятным замиранием прислушиваюсь к тихому шелесту ее шагов?..

Весна. И она, Светлана. Светлана – и Весна... Светлана... Света и... И...

И я, просто-напросто, неужели же, ну да, если совсем уже начистоту, я, да, я, как весной, вновь до смешного, до нелепого, по уши влюблен в нее!

Так, влюблен. Отлично. Выяснилось. Признались. Стоп! Ну а как же это: «Если счастлива будешь с другим, не со мной»? Как это – с другим? Как же – с другим?

А я? Что – робкий, несмелый? Не услышан его глас? Да? Неужели это и есть я?..

А она? Что она?!

А что она!..

Я стоял и смотрел на березы.

Она... Какое место она сейчас читает? Наверное, то самое. «С другим, не со мной»... Читает, усмехается про себя и спокойно торжествует. Сейчас дочитает, вежливым голосом скажет корректное «спасибо», и мы расстанемся... Какой я дурак! Разоткровенничался, как... Как черт знает, кто! Старался, ночь не спал... И самое главное: а что же – завтра?..

Все. Она прочла. Не поворачивайся, не смотри на нее! Прочла! Подходит!

Она прочла. И подходила.

А я упрямо смотрел в небо, на березы, на закат, в стороны, лишь бы не на нее, и заставлял себя думать – о постороннем, о ерунде. Я злился на себя, на нее, на весь мир. Мне так не хотелось изображать хладную корректность и вежливое равнодушие...

Она подошла. Я не оборачивался.

- Нет... - вдруг сказала она тихо, внятно и загадочно.

Я обернулся. Она стояла рядом и смотрела на конверт.

- Что?

- Не хочу, - она посмотрела на меня и улыбнулась.

- Что ты сказала?

- Что слышал. Я так не хочу.

- Как?

- А вот так, как здесь, - она помахала письмом и убрала его в карман, - не хочу быть счастливой... с другим... не с тобой...

Вот тебе и раз! Ожидая всего, чего угодно, только не этого, я растерялся, метнулся от нее, сделал шаг назад. Она спокойно и оценивающе смотрела на меня.

- Смешно, правда?

- Ты шутишь со мной?

- Какие уж тут шутки...- она больше не улыбалась. - Ты, конечно, очень странный, но со всеми бывает...

- А как ты хочешь? – у меня пересохло в горле, голос треснул.

- Давай попробуем еще раз. Сначала. Как тогда... Вдруг что получится?..

- А если нет?

Она не ответила. Что тут можно было ответить...

Наши глаза встретились. Мой голос отказал окончательно.

Так все это время, все эти месяцы, которые я растратил впустую, занимаясь какими-то нелепыми цветными снами, ты, гордая и молчаливая, ты - «давай начнем сначала»?

- Я – да, – произнесла она одними губами и сократила дистанцию. – А ты?

Впервые я видел ее так близко. Я почувствовал, что тону в глубине ее расширенных глаз, я понял, что погиб и на поверхность мне не выбраться. А маленькая родинка над верхней губой сулила что-то, напоминала о какой-то очень простой человеческой правде.

- И я – да...

.....

Остановим это мгновение.

Правда, хорошо сочинил?.. Молчи.

Это все. Пока. А.М.»

ДЕСЯТОЕ ПИСЬМО

Мария Волошина – Игорю Белову

Москва – Краснодар, затем переслано в Алма-Ату

15 октября 1982

«Игорь, здравствуй, я не получила ответа на свое весеннее письмо, да он и не нужен был ответ. Я не только не ждала, но даже желала, чтобы мои сомнительные откровения и несмешная ирония потерялись где-нибудь по дороге. Я вот что хочу тебе сказать: моя школьная дружба с Сашей так и остается школьной дружбой. Жалко. Хотелось большего. Но я признаюсь – я не права. Какое-то нехорошее чувство заставляет меня язвить по отношению к Саше и особенно к Светлане. Ну, Сашку-то я знаю десять лет, да и ты не первый год с ним дружишь. Но вот она! Нет, ну, правда она очень симпатичная, милая, обаятельная! Что есть то есть. Очень молоденькая на вид, можно подумать, ей лет 16, естественная в любой ситуации. Вывести из себя ее нереально. А еще – лёгкое и как бы случайное остроумие, быстрая реакция и неожиданные, короткие, точные ответы. Хоть и не всегда отвечает. Может упорно молчать, хоть сколько, хоть весь вечер. Может и отбрить, неожиданно, но не обидно. Они приходили ко мне на день рождения, а мои друзья с нашего двора, хорошие такие друзья, добрые, но там разные кадры водятся и еще друг перед другом куражатся, так вот двое довольно нахально стали за ней приударять. На улыбке, по тихому получили от нее и отъехали, даже забавно было. Молодец, здорово она их, зауважали. Но с ее «божественной красотой» Сашка перебрал. Все уши мне прожужжал – Мурильо, Мурильо. Посмотрела я альбом - не понимаю, где там Мурильо. То есть в альбоме есть а тут нет никакого Мурильо. Ну это он ее такой видит. А на самом деле – девчонка как девчонка... Ну вот, какой у меня дурацкий язык, так и тянет пообсуждать... Завидую я ей что ли? Вроде нет, хотелось бы даже дружить, но что-то мешает не пойму. И еще. Как-то не очень верится мне в их любовь, так, как будто они договорились. Вроде все очень красиво, смотрят друг на друга, молчат... Опять сплетничаю. Не буду. Хочется постучаться головой об стену, но прическу жалко. Хорошо сказала? А правда что я стала немного грамотнее и лучше писать? Так говорят. Я стараюсь. Вот запятые, пока, не совсем слушаются. А они... Неужели все-таки они вместе? Не понимаю. Впрочем что тебе мое мнение! Ты сам все увидишь, когда приедешь в Москву, говорят собираешься в ноябре. Позвони хоть, если время будет. Скажи, а я ведь тоже ничего, так, с виду и изнутри, да? Боже какие глупости лезут в голову... Не буду больше затуманивать себе и тебе мозги, и так уж! Привет тебе в твоём Краснодаре. Или уже не в Краснодаре? Запутались мы с твоими перемещениями. Пока. Маша».

ОДИННАДЦАТОЕ ПИСЬМО

Светлана Филонова – Элле Меркуловой

Москва – Ленинград

25 октября 1982

«Привет! Прости меня, ради бога, за молчание, за то, что не сообщила о нашем переезде, все (и не только это) случилось так стремительно, так неожиданно, что до сих пор голова кругом...

Да, живем сейчас в Москве, недалеко от Сокольников, надо же, как нас с тобой парки притянули...

Пока скучаю по нашему маленькому Голицыно, иной раз, проснувшись, лежу с закрытыми глазами и, по памяти, мысленно встаю, одеваюсь, завтракаю – каждую, знакомую с детства, деталь в подробностях обыгрываю – выхожу на улицу, иду в школу или на станцию... Конечно, сейчас уже чаще на станцию. Тишина и безлюдье... Знакомые собаки гуляют. Дорожки песком посыпаны... А здесь, невдалеке совсем, большая улица, которую с моего балкона не сильно, но упорно слышно... Так что, закончив мысленный эксперимент, встаю по-настоящему и уже погружаюсь в московскую жизнь. Метро – и совсем немного – автобус. Это – если лень

пятнадцать минут пешком идти. По правде сказать, часто бывает лень, хотя автобус, как это ни смешно, даже дольше едет. *Наблюдалки* мои закончились, просто не хватает на это времени в дороге. Да и метро – другая штука, совсем никакой романтики, только средство передвижения и шум. Школа отходит в сознании все дальше и дальше. А Университет – все ближе. Вот, тоже собираюсь устроиться лаборанткой на одну из кафедр...

Что касается Саш... Некоторые уже отчаялись. А некоторые, если можно так сказать, наоборот – «причаялись». Знаю, что такого слова нет, ну, так, значит, будет.

Расскажу, совсем чуть-чуть. Так получилось, что живем мы в одном направлении – вот и встретились однажды, когда мне было лень пешком идти. Он мне наговорил разного, я приуныла, зачем-то о чем-то его попросила, а он взял и выполнил мою просьбу, потом позвонил, мы увиделись...

В итоге, кажется, я натворила что-то странное. На сердце и тепло (очень) и тревожно (еще более). И голова, вернее, что от нее осталось, ну, это место, на котором шапку принято носить – вновь кругом, куда больше, чем от переезда. А если уж взять общий объем, получим такой интеграл, что станет понятно, почему я так долго молчала...

Эх, характер мой... Я молчу, молчу, а потом вдруг как скажу... Ты же знаешь... И напролом. Робость, сомнения, неуверенность и самоуверенность (что одно и то же), не только и не столько мои, собрала в один мешок, крепко его завязала и убрала в самый дальний, темный угол черепной коробки. А все остальное свела в одно маленькое «нет». И в коротенькое «не хочу». Проломила. Теперь немного сомневаюсь, хоть, кажется, и счастлива.

Говорю загадками, потому что все пока – ну, как-то так... В воздухе. Мерцает, переливается, никак на землю не опустится. И плакать тянет, и улыбка постоянно наружу просится, загоняешь внутрь и то, и другое – и просто стараешься жить, ходить по твердому, заниматься бытовыми делами... Хотя иногда хочется научиться летать.

Перечитала. Ничего не понятно, да? - Да.

Знаешь, что? Давай так. Я пока не буду продолжать, не буду расшифровывать свои невеликие загадки. Я приеду к тебе зимой. Обязательно приеду, обещаю! К тому времени все прояснится, примет четкие формы и определения, там ты все в подробностях и узнаешь.

Сумбурно начала, невнятно заканчиваю.

Кстати, у меня теперь другой домашний телефон. Вот он (...)

Обнимаю и целую.

От Таблетки – Пыхтелке!

Конечно, помню!»

Примечание: переписка Светланы и Эллы добавлена в эту подборку Эллой. И. Б.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДВЕНАДЦАТОМУ И ТРИНАДЦАТОМУ ПИСЬМАМ

Записка, написанная двумя почерками

и сохраненная Эллой Меркуловой с зимы 1983.

г. Ленинград

20 Января 1983

« - Светка! С днем рождения! Решила тебя не будить. Тут тебе письмо.

Ты удивишься, как оно тебя нашло?

Признаюсь. Как ты только приехала ко мне, я рассудила так: раз уж у вас все так серьезно, то он имеет право (и обязанность), где бы он ни находился, поздравить тебя сегодня, где бы ни находилась ты. Даже в нашей глубоко законспирированной пещере.

Правильно или нет?

Если что не так, извини. Целую. Уехала поработать.

Буду рано вечером с тортом и *зажигательной смесью*.

9.00. Пыхтелка.

- Спасибо, милая! Смешно получилось.

Я, кстати, не спала. Затаилась и подсматривала за всеми вами. Интересно!

А сейчас я ушла гулять по городу.

Вернусь часа через три – отправлю ответ, схожу к Сфинксам (постою между ними, хочу почувствовать *разницу в возрасте*), подышу ленинградским туманом и прочее.

По дороге что-нибудь подходящее к случаю тоже *прихватю*. Жди.

16.00. С.Ф.»

ДВЕНАДЦАТОЕ ПИСЬМО

Александр Михайлов – Светлане Филоновой

Североморск – Ленинград

20 января 1983

«Глубокоуважаемая Мемфисская Царица!

На крайнем Севере, возле Окиян-моря, на отшибе диска Земного, совершает свой вояж весьма благородный с виду Всадник, который имеет честь и счастье поздравить Вас в Вашей приморской (Ленинградской) резиденции с дивным праздником, Днем Вашего Рождения.

Вам девятнадцать – и это чудно!

Пути-дороги выстроили между нами сегодня сотни станций, через которые полетит к Вам это письмо; расстелили бесконечной нитью тысячи километров...

Но время пройдет, и ближе к весне километры сойдут, как мартовский снег, на нет, столица встретит нас своими теплыми объятиями...

Мы снова будем вместе!..

Это – Вам:

Когда–то на Белом Свете
Не было Ясного Света.
И Волны катили в Лете
Забытых Надежд отСветы.

Однажды спросили у Света:
Скажи нам, преСветлый Светец,
Зачем нам день неСветлый?
Зачем Неясный нам Месяц?..

Подумал преСветлый Светец –
И в зимнем Январье отСвета
Родился на Свет Ясный Месяц.

Без лишних хлопот и чудесец
Назвали его – просто Света.
И это –
Ты.

Александр Македонский 20.01.1983

.....»

ТРИНАДЦАТОЕ ПИСЬМО

Светлана Филонова – Александру Михайлову

Ленинград – Североморск

20 января 1983

«Ваше величество, Царь Александр!

Высокий стиль Вашего письма и многочисленные прописные буквы вдохновляют меня на взаимность. На взаимность меня вдохновляют не только Высокий стиль и прописные буквы.... И вообще, если говорить о взаимности, то... Вы помните, сколь долго мы оба жили без нее.

Тем более я бы хотела ответить в Вашем духе.

Я много раз перечитала Ваше письмо, прежде чем смысл стихотворения не стал мне близок, и прежде чем я не выучила его наизусть. Воздержусь от комментариев по поводу неких Забытых Надежд, слава Богу, на наших курсах таковых нет, да и смешно было бы ревновать. А все-таки, кто это? Когда-то Вы рассказывали мне про девочку-скрипачку из музыкальной школы, по имени Надя. Не она ли?

Тем более спасибо Вам за Лету, волны и, главное, за «когда-то»...

Интересно, как Царь Македонский узнал, что я уехала на каникулы к моей лучшей школьной подруге? Подозреваю ее в великом вероломстве и очень ей за него благодарна.

Государь мой...Вы пишете о тысяче километров, разделяющих нас.

Но ведь это же прекрасно! Только после длительной, трудной разлуки мы сможем в полной мере осознать нашу удачу – что мы встретились в принципе (а вероятность этого была минимальна) – и, кажется, не напрасно (без комментариев)...

Поэтому держитесь. Выполняйте свой благородный долг музыкального завоевания жителей Заполярья. Они, бедные, там – среди сопок и белых медведей – тоже должны чувствовать свою причастность к великой Империи Музыки. Они, быть, может, даже больше, чем обитатели столиц. Рыболовные траулеры, военные крейсера, маяки и Северное сияние вдохновлены к жизни не одной лишь соляжкой да не одними лишь законами сохранения энергии. Языческие боги четырех стихий, а, более всего, сила человеческого духа – вот кто (и что) зажигает волшебным свечением небо Заполярья, отблески которого я одинокими вечерними прогулками вижу здесь, в Ленинграде. А сила человеческого духа становится беспредельной, если в ее основе – музыка... Ваша музыка.

Да, думаю я, что и белые медведи с исключительным удовольствием поревут на звезды, если Вы осените эти звезды звуками рояля.

А между праздниками, работой, битвами и победами, банкетами в Вашу честь, приветственным ревом медведей, созерцая огни кораблей, маяков и бакенов на черной сабле Кольского залива, Вы нет-нет, да и вспоминайте Вашу Мемфисскую царицу.

Ей это очень нужно. Правда...

Еще раз спасибо за стихи и поздравление.

Я жду Вас!

До свидания. Уже, скорее всего, в Мемфисе.

С нежным и почтительным поклоном... И т.д., и т.п.

.....»

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ ПИСЬМО

Александр Михайлов – Игорю Белову

Москва – Алма-Ата

16 марта 1983

«Привет, дружище, добрый день.

Вновь, как и год назад, хочется думать рифмами и писать стихи.

Вновь, как и год назад, пишу я тебе... Но в ту же реку уже войти не могу. Все изменилось настолько, что о возврате в прошлый март не может быть и речи.

Вероятно, все то, о чем я сейчас буду говорить, тоже иллюзия, но тогда иллюзия – вся жизнь, вся наша действительность, вся разлетающаяся Вселенная. Впрочем, я банален. На самом деле мне уже хочется приземлиться и не задумываться о разлетающейся Вселенной: что ей до меня, а мне до нее!

Если я сейчас ощущаю твердую почву под ногами, то заслуги Вселенной тут нет никакой.

Это заслуга моей девушки.

Удивительно, все-таки, насколько под влиянием такого чувства мир вокруг приобретает какие-то причудливые формы и размеры!

Я не понимаю, что происходит со мной. И вместе с тем – понимаю и вижу прекрасно!

Помнишь строки из песни Дольского?

«Я хочу любить и быть любимым, и хочу, чтоб не болела мать...»

Счастье определяется просто.

Твой недавний приезд в Москву дал мне темы для размышлений. Результатом их стала уверенность, что у меня все правильно, не надо более лукавить, не надо ничего никому доказывать, а нужно лишь спокойно идти по своей дорожке, понимать это – и все...

Ты противоречивый и даже мне непонятный человек!

Вечный скептик. Вечно занятый. Вечно нигде не успевающий. Вечно успевающий все. Вечный оптимист... Как все это сочетается в тебе?.. Парадокс!

Ты, скептик и мизантроп, так нежно (твою добрую эпиграмму-то я помню), так бережно с самого начала отнесся к нашей истории любви и сгладил многие острые моменты, которые могли быть разрушительными.

Ты, занятый, востребованный, реализованный, смог найти время, чтобы прилететь из Алма-Аты, куда ты – своей волей, умом и талантом – добился престижного назначения... Ты примчался из другой части света – просто повидаться. Я вспоминаю, как ты увидел Светлану в первый раз: у тебя на лице было мастерски написанное равнодушие. И тут ты увидел ее. Ты себя не видел, никто в этот момент тебя не видел, а я тебя видел... Я видел твои глаза и читал твои мысли: «такая красота, такая непохожесть ни на кого, такая естественность...» Я видел, что тебе тоже хочется попытаться счастья: а вдруг? И в то же время – цепь была закреплена надежно. Потому что рядом был я. Спасибо тебе за это.

Примечание И. Б. У меня тогда возникли серьезные отношения с одной аспиранткой в Алма-Ате, так что было не до других сердечных дел. В ноябре прилетел по учебе в Москву, ввалился в нашу 329, все были рады.

Сейчас я пишу из уютной изостудии моего бывшего учителя рисования, от которой он подарил мне ключ. Здесь стоит настроенное пианино, здесь стоят пятью рядами тридцать стульев, здесь можно давать маленькие концерты, а самое главное – заниматься, не смотря на часы и на время суток. Сейчас, однако, мы пришли сюда просто так, попить чаю.

Свет не включаем, за окном вечер, и в эти светлые весенние сумерки сошлись за столом несколько симпатичных людей.

Я сижу, помалкиваю. Светлана тоже. Мы посматриваем друг на друга.

Остальные – расслабленно разговаривают, так, ни о чем... Просто всем хорошо.

А в зале, где стоит не только пианино, но и проигрыватель, звучит музыка. Я принес пластинки с «Кармен», старую запись из Большого театра, и сейчас, когда я пишу эти слова, поет свою арию Хозе – Марио Дель Монако.

Вот она, песня всепобеждающей любви. И что до того, что у героев будет потом, раз в сей миг это – правда! И в этой правде ответ на все вопросы, хотя бы в этот миг.

Все замолчали и слушают. Светлана молчит и слушает, я тоже молчу, слушаю и пишу тебе, а музыка не молчит, она взмывает вверх, согрывает холодные весенние звезды.

Если я правильно понимаю ситуацию, сама Кармен тут ни при чем. Не важно, кому, о ком и кем спета, а важно – о ком *написана* эта ария... Имя той девушки никто никогда не узнает, но посвященная ей музыка будет звучать всегда, как всегда будет тревожить нас и подсознательная дума о ней. Была ли там на самом деле девушка? – Я точно не знаю. Но, судя по музыке, мне кажется, была. Ведь должен быть на свете человек, который посвятит тебе свою музыку. А если не музыку – то, в крайнем случае, жизнь. Без лишних слов, просто и благородно...

И все наши мгновения будут столь осмыслены, наполнены причастностью друг к другу, что бежит от нас страх эгоизма, пустоты и одиночества. Ведь эгоизм одинок. А вдвоем мы уже не будем одиноки. Никогда.

Такие мысли трудно выразить словами. Я пытаюсь, но не могу.

Все, пластинка докрутилась. Переворачивать не будем.

Завтра я уезжаю на неделю в Ярославль. Света думает об этом и странно поглядывает на меня сквозь сиреневый сумрак. Глаза у нее задумчивые, в них прошлое, в них зябкий холодок и какое-то сомнение.

Я уже много недель жду этой поездки, а сейчас хочется отменить ее и остаться в Москве.

С другой стороны, уезжал же я в Североморск, в закрытый заполярный город, зимой, в буран – и ничего. А сейчас... Фу ты... Прочь, наваждение.

Света... Светка! Я поеду и вернусь, совсем скоро. Улыбнись, пожалуйста... Так, как только ты умеешь. Ну, умница, спасибо тебе. Вот, включил свет, стало веселее.

...Досказываю свою мысль. Надо беречь такого человека, защищать его от случайностей, от равнодушия и банальности, и это нам зачтется счастьем. Я могу точно сказать: у меня такой человек есть. Один. Или – два. Если второй – ты.

Все, заканчиваю. Через неделю вернусь. Спишемся, созвонимся, жду.

Твой А.М.»

ПЯТНАДЦАТОЕ ПИСЬМО

Светлана Филонова – Александру Михайлову

Москва – Ярославль

19 марта 1983

«Привет.

Не утерпела и пишу – без повода и практически непонятно куда.

Когда это письмо хоть куда-то придет, ты уже вернешься.

Представляешь – я соскучилась. Вот уж смешно...

Когда ты уезжал, мне вдруг показалось, что наши самые хорошие моменты уже позади, все опять стало разумным и обыкновенным.

Но нет. Удивляюсь себе – я вдруг стала искать, чем себя занять. Чего-то не хватает. Чтобы мне когда-либо было скучно с собой – да господи, боже мой! Вот я, вот зеркало, вот мое отражение – умный и ироничный собеседник – а еще есть дела, и мир прекрасен.

И вдруг – не хватает. Необязательной суеты, сотни мимолетных неисполнимых идей, к кому-то в гости, куда-то на концерт, руки на моей руке. Проблем полно, работа на кафедре поджигает, реферат надо писать, а я ловлю себя на том, что просто убиваю время. После большого дня еду домой, выхожу в Сокольниках, но домой не иду, а бреду по тихим темным переулкам. Уже привыкла, они уже почти мои. Вот и сейчас – опущу это письмо, а потом в метро, а потом пешком кружной дорогой, реферат придется писать ночью и все воскресенье, сдавать послезавтра. Спасибо, что хоть реферат есть. Включает мозги.

Недавно встретился мне Валера, мы вспомнили, как год назад он мне сказал, как тебя зовут. Смеялись. Видела в общежитии Андрея, он помахал мне рукой, но не подошел. Сейчас проголодалась, хорошо, что взяла утром из дома яблоко. Выхожу с факультета, грызу яблоко, иду к метро. Суббота, вечер, подморозило, очень легко дышится, погода отличная.

Ну и все. В общем, это просто так.

Вот тут моя рука. С.»

Примечание И. Б. Это письмо долго блуждало в поисках адресата, потом вернулось по обратному адресу. Как попало ко мне - не скажу.

ШЕСТНАДЦАТОЕ ПИСЬМО

Фототелеграмма 20 марта 1983

Александр Михайлов – Марии Волошиной

Ярославль – Москва

Около 16 часов

«Привет, Маша, извини, что обращаюсь к тебе. Попробуй дозвониться Светлане, мне кажется, что-то случилось, но мне не говорят, что. Я бросаю все дела и немедленно выезжаю, но смогу быть только к ночи. Приеду – сразу же позвоню. Подходи к телефону! Пока. Саша».

СЕМНАДЦАТОЕ ПИСЬМО

Фототелеграмма 20 марта 1983

Мария Волошина – Игорю Белову

Москва – Алма-Ата

Около 18 часов

«Привет, Игорь. Мне только что написал Саша, попросил узнать про Светлану. Я один раз позвонила никто не подошел потом мне стало звонить неудобно. Я совсем ее не знаю и, мне кажется, звонить незнакомым людям и спрашивать «ну как» нетактично. Ты, все-таки, университетский, тебе логичнее, хотя бы и из Алма-Аты, может ты попробуешь и дашь мне знать. Спасибо. Маша».

ВОСЕМНАДЦАТОЕ ПИСЬМО

Фототелеграмма 21 марта 1983

Игорь Белов – Марии Волошиной

Алма-Ата – Москва

Около 11 часов

«Маша, привет. Вот и ответил тебе на письмо. На третье. Лучше б ответил на второе. Я дозвонился, но не до Светланы, а до нашего однокурсника Валеры Дегтярева. Он все узнал. Новость плохая. Наверное, ты и сама уже все знаешь. Какое-то нелепое нагромождение обстоятельств. Вечер, пешком от метро пошла, темно, фонарь не горел, горка небольшая, подморозило, снежок... Черный асфальт под снежной пудрой, а это не асфальт, а лед, никто ничего не нарушил, никто не виноват, но от этого не легче. Все произошло мгновенно, ни у человека, ни у машины не было никаких шансов избежать контакта. Закрутило, ударило под капюшон, удар был точный. Сашка уже примчался, он в курсе. Нет смысла это обсуждать, единственная у меня к тебе просьба: будь там поблизости. Ничего особенного не делай, просто будь рядом и все. Сейчас приехать не могу, очень занят и слишком далеко. Как разгребу дела, прилечу. Пока. Надеюсь на тебя. Игорь».

ЗДЕСЬ НАСТУПАЕТ БОЛЬШОЙ ПЕРЕРЫВ.

ДОЛГОЕ ВРЕМЯ ПИСЕМ НЕ БЫЛО.

А КОТОРЫЕ БЫЛИ - СЛИШКОМ ЛИЧНЫЕ И ДОВЕРИТЕЛЬНЫЕ.

ОБРАЩАЙТЕ ВНИМАНИЕ НА ДАТЫ. ОСОБЕННО НА ГОД.

ДЕВЯТНАДЦАТОЕ ПИСЬМО

Александр Михайлов – Марине Булучевской

Москва – Ярославль

16 марта 1985

«Что же ты мне так долго не писала, дорогая Марина...

Либо ты ничего не знала, либо наоборот. А может, дело и во мне... Ах да... Вспоминаю мое «ты лучше молчи...»

Что ж... Выходит, спасибо тебе за молчание?.. Во всяком случае, все остальные пытались как-то влиять на ситуацию, а ты была последовательна до конца.

Отвечаю на твои вопросы: я делаю то, что должен. Продолжаю работать, учиться, что-то писать. Почти перестал выходить на сцену с моей самодеятельной игрой на фортепиано, а скоро и вообще перестану. Все это – с некоторыми нюансами относительно прошлого, но о нюансах не будем.

Из твоего города я *сбежал* тогда по причинам более чем уважительным, хотя и об этом сейчас говорить не хочу.

А что касается той девушки, о которой ты тоже спрашивала, то вот тебе одна задачка-зарисовка. Что в ней вымысел, что нет – решай сама. Не то, чтобы я что-нибудь от тебя хочу утаить, скорее, я сам запутался, многое нафантазировал – и дорисовал, как мне показалось, лучше, чем было на самом деле, пытаюсь выдать вымысел за действительность, а что было в действительности, никого, пожалуй, уже не касается.

ВОСПОМИНАНИЕ ОБ АЛЬГАМБРЕ

В комнате номер 329 студенческого общежития МГУ звучит гитара.

Здесь живут студенты-физики. Всем известно, что физики гораздо больше лирики, чем лирики физики. Мало того: иные физики значительно больше лирики, чем, собственно, физики. А случается, хотя и редко, что физики даже больше лирики, чем сами лирики.

Мысль сложная. Но если вдуматься...

Вот Андрей – бог его знает, где и когда он учился играть на гитаре, да и учился ли вообще. Сидит себе на постели по-турецки, в тренировочном костюме да в одном тапке – однако послушайте! Как складно звучит в его исполнении отнюдь не простая музыка! Старинные романсы, маленькие пьесы немецких классиков и даже весьма головоломные произведения композиторов-испанцев.

Загадка природы!

А еще Андрей знает все песни «Битлов». У него три толстых, по пятьсот страниц, цветных альбома с нотной строчкой, аккордами, стихами и фотографиями, и он частенько, напевая, с гитарой в руках их перелистывает.

В комнате трое: Андрей, Саша, Игорь. Идет 1982 год. Ребята учатся на четвертом курсе. Друзья - не разольешь водой, эдакие мушкетеры. Даже присвоили друг другу титулы – барон, граф и князь.

Ноябрь. Середина семестра.

Легкомысленные студенты проводят вечера в полном согласии со старинной поговоркой: «От сессии до сессии живут студенты весело, а сессия всего два раза в год». Зачеты и экзамены предстоят еще не скоро, и три друга осознают это со спокойным и глубоким удовлетворением.

Игорь и Андрей живут здесь. Саша – москвич, но общежитские вахтеры, вероятно, очень бы удивились, узнав про это. К Саше все привыкли и уверены, что он *местный*.

Игорь лежит на кровати под настольной лампой, курит и читает какой-то толстый роман – не очень, впрочем, внимательно.

Саша не занят ничем.

А Андрей играет. Он играет здорово. Вот почему не слишком-то внимательно читает Игорь. Вот почему ничего не делает Саша. Андрей играет бетховенскую «Элизу». Тихо в комнате, все слушают музыку, все живы, благополучны и веселы. На улице – последние отблески осенних сумерек. Ноябрь 1982 года. Пять часов вечера.

- Все. Хочу спать. – заявляет Андрей и кладет гитару.

- А что будешь делать ночью? – интересуется Саша.

- Тоже спать.

- Ну-ка, подожди...

Саша встает со стула и застывает, задумывается. Андрей исподлобья наблюдает за ним. На некоторое время наступает тишина. Слышно, как в корпусе напротив переговариваются не порусски какие-то восточные студенты.

Вот слева хлопнула дверь, по коридору идут шаги. Сверху просочилась ритмичная музыка.

Шлеп-бац... Шлеп-бац... - отдаленно и глухо, и тишина приобретает особый общежитский уют.

- Всё. Понял. – Саша принялся ходить по комнате, что-то ища. – Идея.

Игорь сквозь клубы дыма хмыкнул.

Свой дипломат с третьей попытки Саша обнаружил на кресле под Игоревой курткой, книгами, газетами и чьей-то подушкой. Из дипломата явился на свет небольшой кассетник «Филлипс», на совесть, по-студенчески потрепанный.

- Это чей? – спросил Андрей подозрительно.

- Завтра будет мой. Покупаю.

- Ну-ну...

Вслед за магнитофоном из кейса извлечены тетради, бумажки, зажигалка и, наконец, черная кассета с перечеркнутыми названиями рок-групп на этикетке. Последним появился маленький микрофон и застыл на столе, вызываясь уставившись на Андрея.

- Поехали.

- Что – поехали?

- Играй, я тебя запишу.

- А спать?

- На пенсии поспишь.

Саша дал Андрею гитару, тот сопротивлялся, но не слишком. Затем начал играть. Сбился. Помолчал минуту. Опять начал. Хорошо начал!

Игорь тем временем вчитался. Роман оказался презабавным, и вскоре по этому поводу было выражено веселье с хлопаньем в ладоши и громким смехом. Андрей прекратил свою музыку и принялся разглядывать ногти на правой руке. Саша, не нажав «стоп», обернулся к Игорю и эмоционально высказался в его адрес.

- Граф, ты что, того?.. – удивился Игорь.

- Сам ты того! – указал Саша на микрофон.

- А!.. Простите, милорды. Предупреждать надо. Молчу. Я – рыба.

- Камбала! - огрызнулся Саша, остывая. – Дубль три!

Пошел дубль три.

В этот момент наверху начались танцы. Громкость была выведена до упора, потолок завибрировал, тараканы под обоями бросились наутек. Бух-трах!!! Бух-трах!!!

- Князь... - Саша был мрачен, хотя спокоен. - Ты их знаешь?

- Ну, знаю...

- Уйми их, а? Скажи, у нас фондовая запись.

Князь Игорь надел тапочки и ушел. Через минуту грохот прекратился, тараканы успокоились. А еще через минуту на пороге комнаты возник Игорь. Лицо он имел самодовольное, с некоторым оттенком сомнения. За Игорем виднелись тени.

- А это кто?

- Они. Пришли посмотреть. – Игорь отодвинулся, в комнату заглянули любопытные тени.

- Мужики... - начал Саша, потом, не развивая свою мысль, встал, подошел к двери и закрыл ее перед тенью. – Извините, мужики.

Тени за дверью поострились и ушли. Саша подождал минутку. Танцы не возобновлялись.

- Андрюха, играем! Мотор!

Андрей послушно заиграл. Благополучно дошел до того места, что и в прошлый раз, но тут дверь со скрипом отворилась. В нее просунулась вооруженная сильными очками голова однокурсницы Ларисы.

- Мальчики! Дайте соли! Я рыбу жарю! – зычным, поставленным голосом комсомольского лидера заговорила голова Ларисы.

Андрей вдруг засмеялся.

Игорь внимательно посмотрел на неподвижно застывшего Сашу и увидел, что сейчас будут жертвы.

- Рыбу жарить!.. – сказал Игорь ласково. – Камбалу, наверное. А перцу тебе не надо?

- Нет... Перец есть...

- Очень, очень хорошо!.. Какая ты молодец! А то бы сейчас как всыпали тебе перцу... – Игорь бесшумно заскользил по комнате, достал из шкафа пачку соли, просунул в дверной проем и принялся выталкивать голову Ларисы в коридор.

- Мальчики, да мне чуть-чуть! Вы понимаете, у меня было, но потом смотрю, слежалась, хоть молотком бей...

- Ты наша хозяйственная!.. Слежалась! Молотка у нас нет, извини... На, бери. Иди, а то рыба уплывет... А мы, видишь ли, заняты, у нас запись...

- Правда? Как интересно! Можно посмотреть? Ха, Сашка здесь! Саш, ты со Светкой сегодня встречаешься? – и голова Ларисы сделала попытку проникнуть в комнату.

- Послушай, исчезни, а?.. – зашипел Саша и начал вставать.

- Чщщщ... - остановил его движение Игорь.

- Хам! – оскорбилась голова Ларисы. – Не нужна мне ваша соль! У меня молоток есть!

Пачка описала дугу и упала на кровать. Дверь хлопнула. Саша недобрый взглядом проводил ни в чем не повинную соль, возвращаемую Игорем в шкаф.

- Да... Женщина в физике – случай еще более тяжелый, чем женщина за рулем, что, как известно, страшнее атомной... - не очень уверенно попытался разрядить обстановку Игорь, но смолк, поймав Сашин взгляд.

- Запри дверь, Шпенглер!

Игорь исполнил повеление, на цыпочках пробрался к своей кровати и исчез в ней.

Саша призывно повернулся к Андрею, но тот неожиданно взбунтовался:

- Да сколько можно? Заболтал уже! На одном и том же месте стопоримся!

- Я виноват, да? Вон ему скажи спасибо, все бы уже записали. Давай, хватит ломаться. Мотор идет!

Вновь в микрофон полились звуки бетховенской «Элизы». Они были спокойны, минорны, волнующи и печальны. Гитара пела, колесики крутились, пленка бежала...

В коридоре раздались дальние шаги.

Шаги как шаги, народу ранним вечером по общежитию ходит много, ничего особенного. Но Игорь, Саша и даже играющий Андрей почему-то прислушались:

«Может, мимо...»

«Почему обязательно сюда? Не одни мы здесь живем...»

«Черт их возьми, а?.. Что б их, чтоб...»

Эти и еще другие мысли, навеянные высокой венской классикой, пинг-понговыми шариками рикошетили от стен комнаты.

Шаги стихли возле двери. Раздался легкий стук.

- Игорь!

Саша, сделав Андрею знак продолжать пьесу, подкрался к выходу.

- Пожалуйста, подождите минутку, у нас запись идет... - зашептал он в замочную скважину.
- Игорь! Открывай! – проигнорировала дверь Сашин шепот.
- Мы слышим, но у нас запись, микрофон, пожалуйста, не шумите!.. – уже громче заговорил

Саша.

Дверь затряслась под сильными, гулкими ударами.

- Игорь! Вставай! Игорь! Шесть часов! Просыпайся! Ты просил разбудить! Тебе пора! Бум-бум-бум-бум!

- Да запись у нас!!! – заорал Саша. – Запись, понятно!? – Саша ковырял ключом в замочной скважине, не соображая, куда надо крутить, дверь тряслась, грохот стоял симфонический, и Саша, вопя во весь голос, требовал полной тишины.

Дверь отворилась. Гитара жалобно тренькнула и смолкла, а из глубины комнаты послышалось задавленное хрюканье. Игорь с Андреем, уткнувшись в подушки, захлебывались от смеха. От двери их приглушенно-молодецкое веселье наблюдали Саша и вахтерша тетя Зина.

- Вы бы бумажку прицепили, что ли! – оправдывалась тетя Зина. – Запись так запись. Дело хорошее. Вон тот весельчак просил разбудить, сказал, спит крепко, а что ты мне там бубнил, голубчик, я не расслышала. Прости уж, коли чего не так... - завершила тетя Зина монолог и ушла.

Игорь с Андреем вытирали слезы и время от времени вновь принимались смеяться.

Саша злился, держа перед глазами Игорев роман кверху ногами.

- Ну, милорды, пошел я. – Игорь потянулся, в последний раз хохотнул и оделся. - Буду в одиннадцать. Саш, дождешься?

- Нет... - буркнул Саша. – Со Светой на концерт иду.

- А-а... Точно. Сегодня же Коган... Не шали там! На Когане. Со Светой...

- Разберусь!

- Андрей! Ты, баронет, слышишь что ль! Ключ мой? – спросил Игорь и вытащил из замочной скважины ключ. – Да хватит тебе зевать!

- Кажется, твой... - зевая, ответил Андрей.

- На, приколи бумажку, – сказал Саша.

- «Не мешать... Не шуметь... Идет запись...» Суров ты был! Ты в молодые годы...

- Хватит трепаться! Дверь запри!

- Ладно, не скучайте.

Дважды щелкнул замок, хрустнул вынимаемый из скважины ключ. Шаги Игоря смолкли вдали. И тогда воцарилась Великая Тишина. Люди в коридоре ходили на цыпочках. Никто не шумел, не кричал, к двери не подходил.

Полчаса пролетели незаметно. Саша выключил магнитофон, с сожалением поглядывая на оставшуюся пленку. В четверть восьмого он должен был встретиться со Светланой. Делать нечего, надо было идти.

Саша надел куртку и подошел к двери. Подергал ручку – заперта.

- Открывай, - сказал он Андрею.

Андрей несколько секунд размышлял. Встал, подошел к шкафу, залез в карман пальто. Потом в другой. Потом в пиджак. Отошел к тумбочке, порылся в ней. Вывернул карманы брюк. Затем вновь по кругу - в пальто, в пиджак, в тумбочку, в брюки, в пиджак, в тумбочку, в пальто... Саша следил за его маневрами, наклоня в разные стороны голову, как умная собака.

Наконец, Андрей прервал поиски.

- Эх... - почесал он в затылке.

- Князь? – пронизательно спросил Саша.

- Унес, – кратко ответил Андрей.

- Оба ключа... – подытожил Саша положение вещей.

Друзья уселись на пол. Наступило молчание.

Вскоре кто-то тихо прошел по коридору. Саша и Андрей сорвались к двери:

- Эй, там! Откройте! Нас заперли! Нам уходить, а у нас нет ключей! Люди!.. – кричали ребята в полный голос и колотили по дереву.

- «Не мешать... Не шуметь... Запись...» – читали снаружи шепотом приколотую к двери записку. – Пошли, не мешай... Это у них творчество... М-музыканты... - и шаги за дверью бесшумно удалились.

- Откройте, у нас не творчество! У нас нет ключа!.. – зывали к миру граф и барон, потом прислушались. Шаги смолкли вдали.

- Ну... Сходит без тебя... - после безнадежной паузы утешительно сказал Андрей.

Саша молча достал из кармана два билета и показал Андрею. Андрей кивнул, посмотрел на часы. На часах было семь.

Потом они заполнили Андреевой музыкой всю пленку.

Где-то там, в ноябрьской прохладе, ждала у памятника Светлана. Люди спрашивали лишний билет. Волнуясь, выходил на сцену народный артист СССР Леонид Коган. Переполненный зал долго аплодировал...

А в маленькой комнате дома 31 корпус 3 по Мичуринскому проспекту неторопливая гитара играла «Воспоминание об Альгамбре». До одиннадцати часов времени было предостаточно, и никто не тревожил Сашу и Андрея: снаружи на запертой двери висела записка...

Светлана не разговаривала с Сашей целую неделю. Она никогда не была на концерте знаменитого скрипача, после фильма о Паганини ей очень хотелось послушать его живьем...

- Сходим в следующий раз! – обещал ей Саша. – Билеты я достану.

- Не смей меня. С тобой сходишь! Что в тот раз, что в следующий! – реагировала Света.

Но Саша сдержал слово и билеты на концерт достал, уже в конце декабря, в самую сессию. Однако, концерт не состоялся. Накануне его, возвращаясь с гастролей, музыкант скоропостижно скончался, обняв скрипку в последнем усилии. Еще через три месяца, попав в случайную дорожную ситуацию, ушла из жизни Светлана.

Саша бросил Университет. Андрей не поладил с военной кафедрой. Оба они вскоре ушли в армию, а Игорь в тот момент был уже распределен в Алма-Ату и просто приезжал в гости. Мушкетерская дружба прервалась, жизнь повернулась круто.

Прошли годы. Черная кассета с перечеркнутыми названиями некогда модных рок-групп лежит в ящике стола. Туда давным-давно убрал ее Саша, да забыл про нее, да когда еще вспомнит... А ведь она может чудесным образом повернуть время вспять.

Следует только включить магнитофон, нажать кнопку – и вновь слышатся знакомые голоса. И вновь в комнате номер 329 студенческого общежития МГУ звучит гитара. Здесь живут студенты-физики. И, разумеется, всем известно, что физики гораздо больше лирики, чем лирики физики. И что иные физики значительно больше лирики, чем, собственно, физики... И так далее.

Мысль сложная. Но если вдуматься...

Альгамбра – легендарный дворец 13 века, дивное украшение испанской провинции Гранада. Парадные залы Двух Сестер и рыцаря Мирадора де Тораха овеяны славой крестовых походов. Галереи, анфилады и покои красноречиво молчат об альковных тайнах. Грозные мавританские башни скрывают от нескромных глаз тенистые внутренние дворы. Рядом стоит недостроенный замок короля Карла Пятого. Вот уж более четырех веков в замке так никто и не живет, никто не владеет им – даже привидения. Совсем недавно, лет 150 назад, композитор-романтик Франсиско Таррега посвятил Альгамбре трогательную песню без слов. В ней – светлая грусть об ушедших веках, о краткой любви и вечной дружбе, а еще – об укротном Дворике Миртов, от которого, по одному из преданий, давным-давно утеряны все ключи...

Это все. Ты опять молчи. Тем более молчи.

Не говори ничего.

Даже если все было и не так, как здесь, то уже никто не может это изменить.

До свидания. Увидимся! Не забывай.

Александр».

ДВАДЦАТОЕ ПИСЬМО

Александр Михайлов – Наталье Семенихиной

Москва

28 января 1986

«Милая и дорогая Наташка!

Мне хочется так много сказать тебе сейчас, в твой день рождения, в твои восемнадцать, но всего в письме не упомянешь, поэтому то, что я не договорю сейчас, обсудим при встрече. Вы все правы, тип я неприятный, характер у меня тяжелый и порой неадекватный. Что делать! Виноват я сам, виновата жизнь. Ха-ха... Сначала, когда я только познакомился с тобой, ты была нужна мне лишь как лекарство. Антибиотик. Это гадко, я понимаю. Ты была не первой. Это еще гаже. Но сейчас уже последней. По крайней мере мне так кажется. И это меня немного извиняет. Я не рассказывал тебе про Светлану, она три года назад была моей девушкой. Потом произошел несчастный случай. Она ушла сразу, не успев даже испугаться.

Я должен был тебе это рассказать, давно собирался и почему-то выбрал день рождения... Короче, как есть – так и есть. Пока я не встретил тебя, мне было все безразлично.

А сейчас... Не знаю, какие-то чудеса. Что-то меняется, что-то обновляется, мне не так уж и плохо с тобой... Наверное, надо сказать так: мне становится хорошо с тобой. И хотя мне снятся сны из прошлого, а последний был только сегодня, но они уже – именно из прошлого. А с тобой как будто появилось новое настоящее.

Поэтому вот так. Я не сумасшедший. Попробую пошутить: «я только учусь»...

Спасибо тебе большое!

Глубокая ночь и тишина вокруг, и я завершаю это письмо, я очень надеюсь, что письмом к тебе я завершаю этот этап, он уходит в прошлое, и надобно начинать что-то новое.

Остается одно: обнимаю и целую тебя, милая и взрослая моя, маленькая такая девчонка.

С днем рождения.

А. Михайлов (подпись)».

ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ ПИСЬМО

Александр Михайлов – Элле Меркуловой и Игорю Белову

Москва – Ленинград, Москва – Алма-Ата

28 февраля – 1 марта 1986. Отправлено 5 марта 1986

ОДА № 35. «НОЧЬ» (В прозе. Из соч. 7 «Оды»)

«Февраль.

Уходит зима.

Тянутся холодные дни, снега утомляют опостылевшими просторами, а ледяные заряды ночной пурги поворачивают время вспять, возвращают под упрямую власть темного декабря.

И вот сидишь в ночи и размышляешь.

Ни о чем.

Время течет себе неумолимым потоком, и, кажется, мы не можем его остановить. Но нет. Пока мы живы, мы не можем лишь не находиться в настоящем, а все остальное нам по силам. Мы сами себе и машина времени, и частица вечности, которая впереди и позади нас.

За маленький цикл от весны до весны может пройти и закончиться целая эпоха, возникнуть и погибнуть мир, а виток спирали, который видится таким близким от предыдущего, соблазняет – стоит захотеть, зажмуриться, закрыть глаза – и уж на ступеньку-то назад можно вернуться всегда.

Какой самообман!

Как же много прожито за этот виток, как много хочется вернуть, пережить заново – и если уж не изменить что-то, что хочется изменить, то хотя бы совершить те же действия, почувствовать те же эмоции – и забыть, что все это будет иметь последствия, которые называются сухим и безжалостным словом «Настоящее».

У человека есть право начинать все сначала. Однако, сначала – не значит заново. И именно поэтому упомянутая машина времени остается иллюзией и мифом.

И вот, сейчас, когда время перешло через полночь, эта зима уже присоединилась к оставшимся за поворотами реки осени, лету, всем прошлым летам и веснам...

Как печально это сознавать, как странно предвидеть неминуемое новое возрождение!

Ушла зима.

Март.

Будут еще морозы, белые полотна на просторах полей отразят ледяные краски вечерней зари, а снежные призраки ночной пурги вернут нас под власть декабрьской глухой мглы.

Но, хотим мы этого или нет, неутомная машина времени однажды вновь крутанет свои невидимые колеса, расправит прозрачные крылья, мы взлетим на них и увидим, как прекрасен мир. В этот час под напором возвращающегося Солнца начнут оттаивать наши сердца – и горячо, упрямо биться им. Для любви и памяти. Для прошлого и грядущего.

Для мига и вечности.

Вот и все».

ЭПИЛОГ

Игорь Белов – Элле Меркуловой

Алма-Ата – Ленинград

15 мая 1986

«Ну вот, Элла, как обещал, вновь беру слово. Дело движется к концу.

Когда я собирал эти письма, раскладывал их и выстраивал хронологию, со мной стала происходить странная вещь. Мне вдруг показалось, что я не архивариус, а сочинитель. Что этих событий не было в реальной жизни, а все выдумал я. Мне уже захотелось что-то изменить, присочинить и прочее. Соблазн был велик, но я ему не поддался. Дань моим писательским амбициям – только адресованные тебе Пролог и Эпилог. Остальное, не исключая Прелюдию и другие мои письма, я сохранил в неизменности. Теперь я перечитал все от начала до конца и почти удовлетворен... Если это слово в данном случае уместно.

Что сказать напоследок? Самое первое и самое последнее (оно еще предстоит) письма – это будто рамка, причина, по которой я стал заниматься этой темой, это вопрос и ответ, проходящие через все, что внутри. Эпиграф, действительно, с последним письмом прислал мне Саша.

Но вот что самое главное: эти письма неожиданно стали повестью, которая зажила самостоятельной жизнью. Я вовсе не думал, что так получится! А самое странное – повесть в сумме и объеме оказалась совсем не о том, о чем, собственно, письма. Это тот самый случай, когда дважды два может быть сколько угодно!

И еще: к сожалению, повесть совершенно безнравственна, хотя и верна по мысли, которую несет. Смотря на героев, я совершенно не узнаю их. Никто из них не похож на реальных людей, их прообразов. Они совсем, совсем другие. Самое большое для меня удивление – персонаж по имени Игорь Белов. Это же ведь я! Но ничего от Игоря, живого и настоящего, нет в Игоре, действующем в повести. Ничего! – Кроме... реальных текстов писем. Вот парадокс...

Мир в конце даже не становится хуже. Это прискорбно, но не так уж нелогично. Несмотря на любовь, дружбу, искренние и честные студенческие отношения, мир плох сам по себе. Он был таков и остался таков. И еще плох он – Сашей. И не его в том вина. Он лишь одно из невольных орудий этого плохого мира.

Ну, как же так? Минутный мартовский каприз природы унес Светлану – красивую, гордую, скрытную, очаровательно-умную, только начинающую жить. Почему-то ей с этого мира всегда было немного «смешно»... Унес случайно, безжалостно и совершенно равнодушно. Жизнь оборвалась. Жизнь должна замереть, оцепенеть, остановиться. А она – не останавливается.

И если спустя пару лет Сашка еще страдает, то через некоторое время он уже говорит «дорогая моя» маленькой хорошенькой девчонке Наташке, заодно самой ситуацией пытаюсь вызвать ее сочувствие и интерес к себе...

Саша достоин этого плохого мира. Он является его частью и, таким образом, заслуживает для себя *право забывать*.

Вот. Основное слово найдено и произнесено. Право забывать.

Потому здесь и конец сказке. Дальше – продолжается жизнь. Имеет ли право человек забывать? Каково это – жить после потери любимого, пережить потерю, заниматься своими делами, думать о тех, кто жив? Я не знаю. С другой стороны, правильно ли мучиться всю жизнь, истоиво страдать, изводить себя и других, становиться обузой?

Вот три вопроса, ответ на которые, формально, есть в церкви. Но, если уж честно, там даже и не ответ, а лишь возможная модель поведения, предлагаемая как раз затем, чтобы их, ответы, не искать. Чтобы не думать. А просто, как говорится, верить – и все...

А ответа на эти вопросы, собственно говоря, нет. И каждый рано или поздно задает их себе, а потом выбирает, по какому из предложенных путей пойти.

Что и сделали герои повести.

И не случайно Светлана незаметно уходит из писем. Мир видится глазами Саши, и в этих глазах Светлане места уже нет. Поэтому, как это ни грустно, повесть вовсе не о Свете и Саше, не о светлой и печальной студенческой истории, а о том же, о чем «Холодная осень» Бунина. О том, как человек может все пережить; о том, что у него всегда есть неотъемлемое «*Право забывать*». На сем я тоже ухожу с этих страниц и оставляю место Саше для окончания.

И продолжения.

Игорь Белов».

ПОСТЛЮДИЯ

Александр Михайлов – Игорю Белову

14 апреля 1986, Москва

«Может, даже эта любовь должна была пройти, иначе она лишилась бы своего лучшего, самого благоуханного достоинства, своего девятнадцатилетнего возраста, своей непорочной свежести.

А. И. Герцен «Былое и думы». Часть 3, глава XX.

Мы идем – подобно тому, как идет через Милосердный океан средневековый парусник.

Все то же самое. Те же палуба, мачта и паруса, те же летучие рыбы, ветры, волны... И незаметно движение. И замкнут неизменным горизонтом наш кругозор.

Но оно обманчиво, это ощущение неподвижности, безопасности и вечного покоя.

Из глубин океана следят за нами таинственные, неведомые чудовища.

На предстоящих по курсу островах живут каннибалы и самые прекрасные во всем мире женщины.

В скалистых гротах притаились знающие цену удачи пираты, а их бригантины готовы в любой момент сняться с якорей и выйти из лагун в море.

В недрах неоткрытых материков спрятаны несметные сокровища, охраняемые горными троллями.

Океаны волнений, моря опасностей, реки соблазнов, озера тревог подстерегают нашу утлую каравеллу, обреченную на вечное странствование. Укромный ручеек счастья затерялся во мраке непроходимого леса сомнений. Родник упорно, денно и ночью пробивает себе путь сквозь монолиты равнодушия, и отведать этой живой воды – невыполнимая задача.

Мы надеемся решить ее, и коварный путь продолжается. Мы смотрим только вперед, мы работаем без усталости. Стремясь миновать безжизненный центр океана, мы должны избавиться от всего, отвлекающего нас.

Но сомнения настигают в неожиданный момент.

Чтобы не упасть духом, мы берем рифы у парусов, остаемся наедине с небом, неизменным горизонтом и нашим самым нежным воспоминанием, с тем, прошлым, с невероятной удачей найденным родником счастья. Мы общаемся с ним, как с собственным отражением в зеркале, и говорим ему – «ты».

- Время грез, время согласно и близко бьющихся сердец, время сказок старого Арбата – не уходи! Останься с нами навсегда. Да, ты было, ты ушло, ты не вернулось и не вернешься никогда. Но ты – здесь, рядом, в каждой нашей мысли, в каждом нашем действии – и не покинешь нас до самой смерти.

Таков наш крест. Мы должны, мы будем, как сможем, нести его.

...

И мы знаем, что никакие воспоминания не остановят нас на нашем, непонятно куда и зачем, влекущем нас пути.

Мы знаем это.

И мы идем.

.....»

Конец